

СМЕНА

Шоаны

15
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОРОТКА ТЫ,

НОЧКА ЛЕТНЯА...

Слова М. Пилипенко. Музыка Е. Родыгина.

Вот опять звезда последняя
Затерялась в облаках...
Ой, как жаль, что ночь летняя } 2 раза
Для свиданий коротка.

На часок заглянет поздняя
И умчаться норовит,
Это ж, право, не серьезное } 2 раза
Отношение к любви.

Ты горы, зоря, над онутом,
Но зачем тревожить нас?
В сердце столько слов } 2 раза
нетронутых —
Их не выскажешь за час.

Где-то звездочка последняя
Затерялась в облаках...
Ой, как жаль, что ночь летняя } 2 раза
Для свиданий коротка.

Умеренно

Вот о, путь звезда по след, ня - я за те, ря, лась в об, ла, ках...

Ой, как жаль, что ночь, ка лет, ня - я для сви, да, ний хо, рот.

1. 2. 3. Для окончанья

Кв. Кв. Кв.

На первой странице обложки: Велосипедисты-разоридиты Наталья Тимофеева, Виктор Верезнов и Роман Катон после тренировочной прогулки. Фото В. Тюфина.

На четвертой странице обложки: Тальцовы камень в окрестностях г. Сысерти, Свердловской области. Это — любимое место отдыха уральцев. Фото Н. Тюфина.

ЗА МИР И ДРУЖБУ!

С. РОМАНОВСКИЙ,

председатель Антифашистского комитета
советской молодежи

31 июля. В это воскресное утро Варшава проснулась рано. Город в нарядном, праздничном убранстве. Везде флаги и полотноца асолуног. Вокруг тысячи счастливых, радостных лиц, пестрые краски национальных костюмов, звонкий говор многоязыкой толпы. Шумный людской поток движется к стадиону — на берега Вислы. Вверхьяне радостно приветствуют своих молодых гостей.

Трибуны стадиона заполнены до отказа. Его поле напоминает изумительный букет цветов. Здесь собрались посланцы молодежи всех континентов. Обмениваются рукопожатиями юноши и девушки, приехавшие с берегов Янцы, Эльбы и Нила, с суровых Кордильер и из солнечной Сицилии.

Звучат фанфары, и в наступившей тишине поднимается на высокую мачту рвущийся белый флаг с фестивальной значком. Под взрыв рукоплесканий взлетает к синему небу тысячи голубей. Пятый Всемирный фестиваль молодежи и студентов открыт!

Юноши и девушки радостно встречают

участников традиционной Международной эстафеты мира и дружбы. Ее трасса проходила через Финляндию, Германию, Данию, Норвегию, Швецию, Чехословакию, Австрию, Швейцарию, Францию, Бельгию и другие европейские страны. Участники эстафеты принесли с собой в Варшаву добрые пожелания от жителей городов и сел, через которые лежала их путь.

Всемирные фестивалы молодежи имеют свою славную историю. Древняя Прага своим летние дни 1947 года. Тогда собралось более семнадцати тысяч юношей и девушек, положив начало традиционным международным встречам.

Два года спустя несомненною до позднего вечера всеельем наполнялись улицы и проспекты Будапешта.

В августовские дни 1951 года встречала молодежь еще не залечивший военные раны Берлин.

Вспоминается лето 1953 года. В последний день Четвертого Всемирного фестиваля, проходившего в столице Румынии Бухаресте на площади имени 23 марта собрался все его участники. На трибуну

поднялся президент Международной федерации демократической молодежи Бруно Бернини. В наступившей тишине он прочитал возмущающее воззвание к молодежи всего земного шара:

«Сделаем так, чтобы новое поколение всего мира внесло свой вклад в великую борьбу народов за то, чтобы мир и дружба окончательно восторжествовали и чтобы для всего человечества открылись новые горизонты счастья... Объединимся для того, чтобы наши мечты и надежды на лучшее будущее стали действительностью!»

Жизнь подтвердила огромное значение фестивалей для укрепления дружбы между молодежью разных стран. Как ни скитается империалистическая пропаганда опорочить смысл фестивалей, как ни старается она запятнать лужью и клеветной системы президики молодости, юноши и девушки нашей планеты с каждым годом все меньше верят утверждениям врагов мира.

В жарких спорах, бесконечных беседах люди различных убеждений и взглядов

Прозетории всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1955 год.

Год
издания
32-й.

всегда находят общий язык. Юноши и девушки прекрасно понимают друг друга, потому что они говорят на языке друзей. Дружба — чистое и светлое чувство — по-настоящему роднит молодежь.

Пятый Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу явился новой грандиозной демонстрацией молодости мира. Инициаторами фестиваля явились Юноши и девушки разных частей света. Их поддержали самые влиятельные международные молодежные организации — Всемирная Федерация демократической молодежи и Международная организация молодежи. В Международном подготовительный комитет фестиваля вошло более двухсот представителей молодежных организаций, видные общественные деятели, деятели науки и культуры, известные ученые более чем из пятидесяти стран мира.

«Дорогие друзья!» — говорилось в обращении Подготовительного комитета к молодежи мира. — «Фестиваль это в первую очередь праздник дружбы молодежи, праздник каждого юноши и каждой девушки без различия политических и религиозных убеждений, расовой и национальной принадлежности. Фестиваль является с друзьями из различных стран и с польской молодежью, которая столь дружелюбно предоставляет возможность провести наш праздник в восстановленной и вновь столице своей родины».

Встреча молодежи проходит в Варшаве. Это имеет глубокий смысл. Праздник юности и мира открылся в городе, который немецкие фашисты хотели стереть с лица земли, в городе, который за годы войны пережил тяжелейшие страдания. Варшава — город-герой, город мира, символ победы над темными силами войны — гостеприимно принимает молодежь. Страны приветствуют и участвуют в фестивале, танцы, спортивные достижения.

Программа фестиваля, разработанная Международным подготовительным комитетом, богата и разнообразна. При этом рассматриваются все виды творчества, подчеркивается все то, что покажет молодежи на фестивале.

Вот программа только одного дня. 3 августа. Утром состоится международная встреча молодых представителей пяти великих держав. Днем сельские юноши и девушки всех стран примут участие в Международном празднике урожая. Вечером в огромном «Зале Гвардия», вмещающем пять тысяч человек, будет проходить международный концерт. Но и это далеко не все. Юноши и девушки побывают на многих спортивных состязаниях, выставках, встречах между делегациями, экскурсиях по Варшаве.

Через два дня утром в парке культуры и отдыха на берегу Вислы делегаты посетят молодые деревца на «Аллее дружбы». Когда над городом опустится ветер, молодежь всех европейских стран соберется вместе, чтобы обсудить волнующие ее проблемы. 6 августа на площади Победы это тысяч юношей и девушек соберутся на митинг, посвященный началу народов и стран борьбы против подготовки атомного войны.

Встречи молодых борщиков подписей под Венским Обращением, встречи дожеров Европы, встречи с японской молодежью, чья родина испытала ужасы атомной бомбардировки, встречи юношей и девушек колониальных стран и стран-метрополий — во всех этих и многих других не менее интересных мероприятиях фестиваль примет участие десятки тысяч молодых людей.

Участники фестиваля знакомятся с народным искусством различных стран. Со сцен театров, с открытых эстрад и прямо на площадях прозвучат народные песни. Страны Польши и Китая представят танцы китайского народа, огненный венгерский чардаш, изумительные по своему рисунку танцы Индии, стремительную итальянскую тарантеллу, выразительные русские пляски, ритмичные танцы Южной Америки, изумительную поющую мазуку.

На новом стадионе, специально построенном польской молодежью к фестивалю, откроется II Международные спортивные игры. Это будет самый большой спортивное событие нынешнего года. Многочисленные молодежные и спортивные объединения прислали своих лучших спортсменов на эти соревнования. Среди них гимнасты Финляндии и Австралии, футболисты Австрии и Венгрии, велосипедисты Бельгии и Дании, мастера настольного тенниса из Адена и Северной Африки, боксеры Польши и Румынии, спортсмены Советского Союза и Китая и многих других стран мира.

Новым свидетельством дружбы и братства, объединяющих молодежь мира, является создание Международного фонда солидарности. Средства собраны общими усилиями средства смогли приехать в Варшаву делегации Кении, Малайи, Судана и других колониальных и зависимых стран.

Готовясь к фестивалю, молодежь усиленно борется за мир, за национальную независимость, за свои права. Одним из самых крупных массовых мероприятий, проведенных перед Пятым Всемирным Фестивалем, был Фестиваль молодежи стран Латинской Америки в Сан-Паулу (Бразилия). Идея проведения этого фестиваля — укрепление дружбы, расширение сотрудничества и взаимопомощи между молодежью — пришла не по душе реак-

ционному кругу. Со страниц буржуазных газет и журналов не сходили злобные, клеветнические статьи, пытавшиеся опорочить идею дружбы молодежи.

С ожесточением обрушивались на подготовку фестиваля в Варшаве и некоторые газеты скандинавских стран. Особенно усердствовала протестантская печать, которая пыталась представить эту ассамблею юности как мероприятие, направленное на «возбуждение ненависти у молодежи против западного строя». Датские журналы «Фриг Фольке», «Фриг Форум», газеты «Данне Нихедне», шведская «Свенска Дагбладет» из кожных ног лежали, стараясь внушить своим читателям мысль, что стремление молодежи к массовым международным встречам является «угрозой» для мира. Английская газета «Дейли Телеграф» с одобрением отнеслась к решению графа евангелической церкви Германии и католического епископа западного Берлина об отлучении от церкви тех молодых немцев, которые примут участие в фестивале.

Но ограничивая клеветой или замалчиванием фестиваль, правительства ряда стран преследовали молодежь, собирающуюся в Варшаву. В Варшаву и членов подготовительных комитетов, запрещавших распространять газету «Фестиваль» и другие печатные издания, рассказывавшие о предстоявшей встрече молодежи.

Но черным силам реакции не сломить волю молодежи, не загасить огня надежды в молодых сердцах! Ряды юных борцов за мир и счастье на земле неуклонно растут.

Подготовка к Варшавскому фестивалю проходила в обстановке растущей активности миролюбивых сил. Стратемным призывом к успешной борьбе за мир прозвучало Венское Обращение Всемирного Совета Мира. Важным вкладом в дело международного сотрудничества явилась состоявшаяся в Бангалоре конференция стран Азии и Африки. Большие успехи в осуществлении развития мирной политики в Европе и во всем мире имеет подписание Австрийского государственного договора и нормализация отношений между СССР и Югославией.

Недавно внимание всех народов привлекло к себе Женевское совещание глав правительств четырех держав, которое еще больше укрепило волю людей к смелению международного напряженности, к прекращению «холодной войны».

Все эти успехи политики мира и дружбы вдохновяют молодежь в ее борьбе за светлое будущее.

В первых рядах борцов за мир идет молодежь Страны Советов, единая в своих стремлениях, она слагается в общей борьбе, готовая на труд и подвиг ради великого будущего всего человечества. Миллионы молодых людей нашей страны вместе с всем советским народом подписали Венское Обращение. В этих подписях единое стремление — отстоять мир. И в то же время в нем грозное предупреждение поджигателям войны.

От всего этого сердца поддерживают естество молодежи замечательную идею Всемирных фестивалей, на которых крепнет дружба юношей и девушек нашей планеты. И хотя только малая часть молодежи строит свой коммунизм побывает в Варшаве, советская делегация привезет на фестиваль добрые пожелания всей молодежи нашей великой Родины. Миллионы юношей и девушек стран социализма воздают уважение Пятому фестивалю молодежи и студентов.

В дни, когда в Варшаве трепещет на ветру флаг Всемирного фестиваля, в городах и селах наших стран проходит великая и грандиозная массовая творческая спортивная олимпиада, концерты, выступления художественной самодеятельности. Вся советская молодежь торжественно отмечает прекрасный праздник дружбы и братства, единства и солидарности молодежи. Над городами и селами нашей страны слышен призыв:

«За мир и дружбу!»

Р. ДАНЕЦКИЙ

РЕПОРТАЖ ИЗ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕИТИЯ

— Значит, ты новый жилец? Румын!

...Коя бежит за водой на кухню, я — за продуктами в магазин...
План занятый, конечно, румун.

Ми книги на полки кладешь... На стол ставишь портрет Георгию-Дежа.
Копя румынский журнал пишу.
И не какой-нибудь — самый свежий!

Вот угостить — хоть кеудл —
чайник, паченье и закуски.
Сидящий всматривает ужи... Как всегда,
идя в общекитни крепкой по-русски.

А на улице тишина.
Отдых в общекитни догораю.
Иногда в общекитни догораю
не унимаются разговоры.

— Это койка твоя... Так вот,
дубанец Али! спал на этом месте... —
Копя из ящика достает
пачку писем! — От друга весте.

Когда он приехал в наш край,
русскую речь услышал впервые.
И ничне пише совсем, как и
на месте и тонки и запятые.

В дипломе стояли латерки один.
Платерно... Не знаешь ты, как такое!
Словно ребенку, ему взглянул
каждый пальчик показывать Коя.

Приводят соседи — встречай гостей.
И, не войдя еще, на пороге
каждый требует новостей.
— Дайте же поспать: человек с дороги.

Над Москвою, в предрабачной мгле,
восток засветился полоской узкой.
Чайник поспавать на столе —
чай в общекитни крепкой по-русски!

Перевод с польского
Н. СТАРШИНОВА.

РАССКАЗ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Сергей НИКИТИН

Рис. П. Пингисевича.

Когда мой брат ушел на фронт, я остался один-одинешенек ве только в большом городе, кипевшем потесненным войною людом, но и на всем белом свете.

Перед отъездом брат, утрямый, немногословный человек, работавший, по нашей семейной традиции, плотником, сказал:

— У хороших людей тебя поселю. Бывают они тебе не дадут.

Он привел меня на окраину города, в дом с пансионатом, за которым вела малышка, и сдал с рук на руки сморщенной, как речное яблоко, старухе, которую слышавшей словами, точно волонтерской вешулой.

Тебе у нас будет хорошо, — сказала она, провожая меня в комнату, а я смутно почувствовал, что будет наоборот. Прямнички к вольнице неоселых плотничьих бригад, я инстинктивно не доверяя домам, где угарно пахло печами, по повожкам ходили совиные когти, из кроватки возмывались горы разнокалиберных подушек, а по углам, точно восковые, стояли фикусы.

Продавай, брат, как равному, пожаж мне рубку.

— Денег тебе не оставлю. Все передом хозьяке. По праздникам будешь получать от нее красненькую. Ну, удачи!..

И, не оборачиваясь, ушел по широкой, как площадь, окраинной улице; ушел навсегда из моей жизни.

В верные же дни оказалось, что в доме за пансионатом самые простые и естественные поступки считались предосудительными. Нельзя было долго жечь электрическую лампочку, громко разговаривать, смеяться, а тем более привлекать к себе приятелей.

Я был рад, когда наню школу занялся под гостиницу: сокращались мое пребывание в неприятном доме — мне приходилось идти через весь город в заводскую поселок, где мы учились в недостроенном здании техникума, а после занятий можно было не спеша возвращаться окольными путями, играя по дороге в расшибку с неповажными мальчишками или захо-

дить с дружкой Сенькой Брагнямям к реке, в парк, на вокзал.

Конец по стройкам сначала с отцом, а потом с братом, я видел много городов, но ни один из них не полюбил так, как этот. Обилием зелени, многолюдностью, веселым нравом жителей он напоминал пригородские города юга, особенно ветером, когда над низкой поймой безбрежно разливался туман.

Мне было интересно бродить по его улицам, заглядывать в окна домов, устремляться вслед за шагающими с веселой солдатикой. Особенно я любил стоять на железнодорожном мосту и, вдыхая едкий запах угляного газа, наблюдать, как внизу, словно в тесной яме, ворочаются, шипят, кричат на разное голоса темные машины паровозов.

В этом городе с какой-то обескураживающей внезапностью оборвалось мое детство, и под напором событий я шагнул в скоростную юность военной поры.

Помню погожий день бабьего лета, с прозрачной, студено-хрупкой вывеской, с детещей по улицам паутинной, с шорохом палого листа на асфальте — день, когда мне, восьмикласснику и десятикласснику, вызвали в городской комитет комсомола.

Оттуда я вышел повзрослевшим на несколько лет. Отныне нам вменялось в обязанность следить за состоянием самолетостроения в городе, и это была не игра, не мелкое общественное поручение, а настоящая должность в штабе местной противовоздушной обороны. Каждый получал именное удостоверение, ночной патруль и право карать нарушителей штрафом, что особенно подчеркивало в нас сознание высокой ответственности и серьезности доверенного дела.

Пряча свои новые документы, я вынул из кармана, потянувшись с тугой красной резинкой, с узорной рубчатой рукояткой и, как бы выполняя обряд прочтения с детством, незаметно выдрасыв в мусорную урну.

Ночные дежурства еще крепче служили меня с Сенькой Брагнямям. Теперь у нас была

вторая, неирная для других жизнь, которая скрепляла нашу дружбу.

Кто видел затеменный город, лишь случайно зашедший в гости и потом урядкой пробираясь домой, тому он мог показаться пустым, враждебным и злобное мрачным. Но мы ощущали что иным. Шагая по гулякам улицам, мы замечали то на мгновение вспыхивающий фонарик патруля, то в какой-то момент тишины и безветрия вдруг улавливали обрывок разговора женитчиков на крыше высокого дома, то оставались, испуганные непомерно громким судорожно-сладким энком дежурного дрончика. В это время мы, двое мальчишек в кургузах, потопенных пальтишках, нарване со всеми борзствовавшими людьми, несущими охранную службу, были в ставе здравитской города. Барабаша озбышим пальцами в окла домо, алтек и магазин, мы предупреждали: «Граждане, будьте бдительны!»

У вокзала, возле мрачных пактаторов в серновых складах, на высоком фундаменте из белого камня стоял длинный опоздавший дом. Дважды мы заставали одно из его окон являющимся, как светлая брешь в непроглядной ночи, и тут же принимали соответствующие меры: Сенька становился мне на плеч, дубаса кулак — в руку. И тотчас же за окном возникали чьи-то тени и падал, разворочиваясь, рудой яскрасной бумаги. Но в третий раз мы решились составить акт о нарушении правил самолетостроения. Вошли в сени, нащупали клеветочную дверь и постучали. Наверно, у нас были очень злоевиный вид, потому что девушка, открывшая дверь, отпирнула вглубь прижогой и кричащим голосом позвала:

— Папал!

У меня адруг гулко оауачула в висках кровь. И с той поры сознание мое надолго окутала клязь-то вязкая, отдувавшая вена. Все дальнейшие события я воспринимал как бы сквозь нее, став послушным исполнителем сенькиной воли, которая неожиданно оказалась столь непристойной, что я везельно пропихив ее больше симпатией к своему другу.

Когда из соседней комнаты вышла плачущий мужчина и рассветают железнодорожные вагоны, Сенка показала ему свой документ и объяснил, зачем мы пришли.

— Очень устаю, ребята, и вот заблаговременно устрою у себя в кабинете маскировку, — сказал мужчина.

— Он и оправдывался, ни одной ноткой своего голоса не просил о снисхождении, и это особенно расхолаживало к нему. Но Сенка с ледяной неподвижностью потребовал:

— Дайте, пожалуйста, чернила и бумагу, товарищи соседи.

Сенка оставал акт по форме, данной им начальником штаба противоавиационной обороны, подписав его, предложил подписать мне, потом хозяину, и мы вышли.

Только теперь я очутился от своего опеки и с уважением посмотрел на маленького, смеющегося от холода Сенку, который, не в пример мне, проявил такую споконно-деловитое мужество.

— А девчонка? заметил, из нашей школы? — небрежно спросил Сенка.

— Чудак! Ну кто же мог не заметить Алю Реутову! Все мы: я, и Сенка, и еще добрая половина мальчишек нашего класса — были тайно влюблены в девицашку Алю Реутову.

В каждой школе есть такая властная иная мальчишеских душ, даже не подозревающая, сколько поклонников окружает ее. В присутствии этой девицы с прищуренными лукавыми глазами мы переставали быть самими собой: один становился робкой, тихим, другие, наоборот, неестественно возбужденными и дурашливо-шумными. На переменах, проходя мимо девятого класса, мы во все глаза смотрели на нее.

Но случись кому-нибудь перехватить взгляд этих прищуренных глаз, как случается моментально испугавшись и отворачиваясь. Эта игра была томительной и сладкой. И те дни, когда Аля почему-то не приходила в школу, оказывались для нас днями тоски, непонятной лени и рассеянности.

теперь Аля Реутова не пройдет в моей жизни бесследно, как проходила бы она, оставшаяся недосягаемо прекрасной, неземной Алей, окруженной ореолом вымышленных нами достоинств.

В этот же день на большой перемене Аля подошла ко мне и категорически заявила:

— Записываю вас в драмкружок.

Я мог ожидать, что она заявит со мной о нашем ночном визите, но уж никак не о драмкружке, и потому приготовился к замаскированной попойке.

— Но я не умею играть, — спокойно ответил я, чувствуя, однако, что щекни мои жгитает жар.

— Научитесь, — уверенно сказала Аля. — Надо только уметь геротоваться. И записываю вас.

Я знал, что сама Аля готовится стать актрисой и, полагая, будто не выше призывания, чем служить искусству сцены, не примет никаких возражений. Но такое неслыханное предложение парня с брызгами алом и большими рабочими руками, каким я был в то время. И я слася.

Друг Сенку по поводу моего вступления на сцену тоже поспешно высказал так:

— Штанг у тебя армине и вылезли проволочкой подштант... А-р-р-р-тис!

Кружковцы дали мне роль Лопухина в «Вешневом саду».

— Музыка, играй! Пускай все, как я желал! Идет попой, помещик, аладеет вешневое сада! За все могу заплатить! — ревел я и буйно размахивая руками, точь-в-точь как это делал, бывало, мой подвыпивший отец.

Ранеску играла Аля, и я должен был держаться ее руку. Сначала у нас было так нежные, что я мог бы раздвинуть их, словно гроздь винограда.

Постепенно и привык к Але и уже не цепелвал в ее присутствии от смущения. Застесчивость пропала, и тогда появилось неформальное желание быть всегда около нее, слышать ее голос, видеть ее плывание, немного нагнанные движения: вот она подняла руку, вот поправила тяжелые волосы, вот села, вот встала, пошла...

Однажды у нас в школе появился маленький разный парнишка, спросил, где найти директора, и быстро победил на второй этап, обметая лестницу полами длинного тупола. А после уроков директор объявил, что комсомольцы пригородного совхоза просят наших кружковцев выступить у них.

В совхоз нас велись немолотые рыхлые кони, бешавшие упрямо однообразной трусой и круто фыркаящие на подъяемах. Стоял жар, и отгнетел еще не было, и даже днем, когда в стальной небесной сини плавало туманное солнце, все равно дуло, свистел, реал жгетый ветер, переметая сухой, колочий снег.

В совхозном клубе царил застоявшийся, промозглый холод. Аля, утонув подбородком в пушистом вороннике волчьей доши, стояла посреди пыльной сцены, прерывая морщась и кантриканя. Уступая прищудам своей «примы», драмкружковцы решили вместо «Вешневого сада» показать какую-то маленькую пьеску, а потом что-нибудь спеть и потанцевать.

Ни Аля, ни я не были заняты в этой пьеске и остались за кулисами. Кулисья в дошку, подбородок под себя опира, она сидела на провалившемся диване, задумчивая, отлученная, и, не мигая, смотрела на континент оговек корсавиной лампы. Вероятно, ей было просто холодно и хотелось домой, но мне (особенно мне того, как она задала кружковцам такую трезвону), мне казалось, что ее тонкую артистическую натуру глубоко оскорбляют и эта пыльная сцена с раскрашенными декоративными вместо декораций, и этот рожданный диван, и сам я со своими подвыпившими штанами и подштантми проволочкой валенками. И я был уверен, что никогда не решусь подойти к ней, взять ее руку и не на спине, а в живот, сказать ей что-нибудь приятное слово, но которых она поняла бы, что я люблю ее.

Экзамены в то время мы сдавали коротко и просто: сочинение, контрольная работа по математике — и вот перед нами длинное канникулярное лето с иния до сентября. Не знаю, что я стал бы делать с такой массой свобод-

ного времени, если бы нас снова не послали в тот же совхоз, но уже в качестве подсобных рабочих. Кажется, именно с тех пор и полюбил тижие деревенские вечера с кляпаньем дилеттских пьесок стужкой под крышей с росой прохлады, плавущей из поимы. Я часто сиялжал один на пороге сенового сарая, где мы вечаеали, вслушавшись в мирные звуки уходящего дня, и никак мне не верилось, что где-то на этой земле грохочет бой, ругают сырады, пляшут красивые отблески покров.

Но война жестоко и грубо заставила нас всех повернуть в эту. Она вошла в наш город в своем обычном обличье — с кирвичной пылью развала, стопами раненых, слезами по убитым...

Мы не слышали тридцатых расстояний сигналов воздушной тревоги и проснулись только тогда, когда услышали разрывы, не похожие на хлопотные выстрелы зениток, удар пострясли стены нашего сарая. Столпившись у дверей, мы молча смотрели в сторону города. Заметна на облачном небе дрожащий отсвет, не соотвараившие, победели на него по астерзанной дождевыми потоками дороге.

Я плохо помню эту ночь, вероятно, потому, что был одержим одной мыслью: скорей увидеть живую Алю. Когда из мой истеричский стук вышла встревоженная женщина, очевидно, ее мать, я мог проинтерпретировать только одно слово:

— Аля...

Женщина удивленно посмотрела на меня и сказала:

— А она в деревне, у бабушки.

— Быть может, виновю тому был споконный тон этих слов, а может быть, мне до обидного нараспрямиме показались мои, неформальное тревожилино, но только я утратил почувствовать, что меня надо, несправедливо обманули в чем-то очень большом и важном для всей моей жизни.

Уже светало, когда я шел по улицам, неузнаваемо изменившимся за эту ночь. И перемена была не в том, что кое-где дымилась еще теплые являлись обывательские по ногам, что стескло, что замыная серемяна, проносилась машинки скорой помощи, а регуляторнички в серых армейских шинелях давали им зеленую улицу, — нет! Изменился сам дух города, зачателничай, как в зеркале, в пострававших лицах вострелных людей.

Если бы тогда я был более опытен в военной жизни, то, несомненно, понял бы, что так плохо узнаваю меня в то утро. Ведь никогда Аля, самый любимый мною на земле человек, не была там, где нам всем приходилось трудно и горько. Быть может, это вышло случайно? Не знаю...

У развалин кинотеатра я встретил Сенку.

— Сенка, — сказал я ему, — идем добровольцами на фронт.

— Идем, — ответил он.

И мы скрепяли это решение клятвенным рукопожатием.

В горнокомате мягко, увещательство отказывая в нашей просьбе, и первого октября для нас являлись обыкновенный учебный год, с тетрадиками, урнаниями, четверками за поведение, а для меня еще и с прежней влюбленностью в Алю Реутову.

Ради того, чтобы чаще видеть ее, я продолжал решительно исполнять свои астерские обязанности. Однако случившись так, что после затнувшегося репетиция мы вышли из школы

«Теперь мы оба сожгли свои корабли», — подумал я, и против ожидания эта мысль вызвала во мне чувство облегчения и какой-то обывальности.

Наутро я шагнул в школу, помыслив горного созидания своей независимости, неся на губах презрительную усмешку для тех, кто еще не понял радости быть свободным от властного взгляда прищуренных глаз Али Реутовой и кивками, тогда как для меня они были просто বিরокуюющими. Ювец! Я и не подозревал, что все это откроет мне в ее образе новые стороны, осветит его новым очарованием, придаст ему еще более неодолимо-славу притяжения и что

месте. Я сразу же постарался соблюсти благоприятное расстояние в полшага, но Аля с грубоватой ухмылкой в голос сказала:

— Ты бы хоть под руку меня взял. Так сидеть, так и шлепнуться можно. Это конечно, но тебе же не объяснялась просьба, с которой она обратилась бы ко всякому на нас, кто шел в темноте после repetition, но я воспринял эту просьбу как великое счастье.

Власть отпелел, тяжелый ветер, пахнувший морским снегом, дуг из тени провалов улетел и в голову у меня началось какой-то ералаш. Благо, Аля сама всю дорогу говорила без умолку, так что мне предоставлялась возможность молчать или отвлечься чем-то вроде «сма», значение которого она могла истолковывать, как хотела.

— Воле дома Аля остановилась и сказала: — Можно было бы поговорить тебе, но меня сейчас забирают.

И действительно, хлопнула дверь, кто-то вышел на крыльцо и окликнул ее.

— Это мама,— заговорщицки шепнула она. Глаза ее деланато сверкнули в темноте.— Ты любишь читать?

— Люблю.

— Я тебе люблю. Ты знаешь, конец в книге я сама прижму, если она мне не нравится.

— Аلبина!— еще раз позвала с крыльца. И опять кидаясь, она и поблещала мне в лицо, для меня.— Мы еще поговорим, потом... Хорошо?

А на другой день, стараясь скрыть смущение, я с нарочитым усердием обвел голым валенком аллею в сенях у Ручейки. Впрочем мои надежды отец сразу же убавил мне и, коротко бляснув усталыми глазами, сказал:

— А тогда по нашей милости мне что рублей штраф прихвати.

В комнате, куда я попал из кухни, уютно горела лампочка под большим голубым абажуром с бахрогой, качавшейся при каждом ударе двери. Здесь мы пили чай, а потом вершили в анноту компли, сплошь уперенную географическими картами, координатами, арифметикой и кинутыми. Все мне нравилось в этом просторном теплом доме (особенно если принять во внимание, что последнее качество было в то время редкостью и ценностью очень высокой), и стараясь внятно отвечать на все вопросы, обмужавшим Алю, словно надеялся унести с собой частину их тепла, чистоты и, может быть, ее самой.

Как-то Аля сказала мне, что летом уедет в Москву учиться. С тех пор меня не покидало тягостное ощущение разлуки, и как бы мне связать с этим и заводил разговор о том, что учиться можно и здесь, в нашем городе; вспоминаю все неестественно или Москва поговорила: «Москва слезам не верит», «Москва смеется любит» — и ясно видел, что мою хитросплетенная дипломатия явля к чему не привлекает.

В десятом классе еще шла экзамены, а мы уже опять работали в совхозе. Сосчитать примерно, когда должна умереть Аля и отпрятала с в горды и ушел как раз во время.

Когда я вошел в знакомый дом и увидел, что все вещи в нем сдвинуты, на полу стоят открытые чемоданы, я у аллюйи малы запалась, голова, которая тогда выпала за несоразмерное и страшное, чего я тайно боялся все это время.

Аля снимала со стены свои картины. Я не сказал ни слова, а только посмотрел на Алю и увидел, что у нее тоже залепачены глаза и красный кончик носа.

— Вот и уезжаю,— сказала она.— Сейчас здесь хас и все злое... Ты види, мы с тобой увиделись на вокзале. Придем?

Сказав расцелишь мне что-то шуги.

— Ну, или же,— требовательно сказала Аля. Я вышел. Кто-то встретился мне в другой комнате, кто-то подалорова со мной, но я не ответил. Я направился прямо на вокзал и сел там на лавочку.

По хрустевшим шпалавом дорожкам ходили железнодорожники, удивленно и подозрительно поглядывая на рослого парнишку в сапогах и в потропанном пиджаке, сидевшем неподвижно до тех пор, пока не стемнело. Тогда к нему подошла девушка, тоже высокая, но очень тоненькая, одетая просто и тепло, как одеваются в дорогу, и повелительно сказала:

— Подем.

Мы отплыли в тень вокзальных дил, при как-

дом дуновении ветра разилоших дождь прелого листа.

— Я тебе напишу из Москвы. Ты мне тоже напишешь... Что же ты молчишь?— спросила Аля.

— Не уезжай,— глумо попросил я, впервые высказав прямо то, что скрывал до сих пор за полуданками.

Аля грустно улыбнулась — так она улыбалась, когда играла Раенскую.

— Ну как же я не уезжу?

— Не жено. Не уезжай... У вокзала в полосу притуснутого маскерочным колпаком света показались аллия мама. Она нетерпеливо оглянулась по сторонам, потом крикнула:

— Алина!

— Там, при наших, неудобно будет прощаться,— сказала Аля.

Мы стояли друг против друга, не решаясь сделать раздельный шаг шуг, она первая потянулась ко мне, взяла за плечи и поцеловала в губы... —

Потом я шел за поездом прямо по шпалам, а потерив из виду забыли красивый огонек последнего вагона, сел на откос в пыльную пыль и залыскал.

Когда я вспоминаю свою жизнь, наступающую после отъезда Аля, она представляется мне сплошным сгустом событий. За какие-то три месяца я успел проделать внешние простейшие и внутренние труднейшие и сложнейшие путь от школьной скамьи и полудетских взглядов на мир до стрелковой роты с ее суровыми письмами и неписаными уставом жизни.

Первым шагом на этом пути было решение и прямолинейная, внутренне труднейшая и сложнейший путь от школьной скамьи и полудетских взглядов на мир до стрелковой роты с ее суровыми письмами и неписаными уставом жизни. Первым шагом на этом пути было решение и прямолинейная, внутренне труднейшая и сложнейший путь от школьной скамьи и полудетских взглядов на мир до стрелковой роты с ее суровыми письмами и неписаными уставом жизни. Первым шагом на этом пути было решение и прямолинейная, внутренне труднейшая и сложнейший путь от школьной скамьи и полудетских взглядов на мир до стрелковой роты с ее суровыми письмами и неписаными уставом жизни.

Сенька пришел на вокзал провожать меня и принес свое самое драгоценное имущество: гитару и огромную, как противень, котлованку.

— Вот,— хмурился, сказал он,— заговнишь по дороге, если будет туго.

Мимо нас пошла вагонка. Я вскочил на подножку и через плечо кондуктора смотрел, как уходит назад и в прошлое пакугазы, зерновые

скамьями, длинный год на высоком фундаменте из белого камня и маленькая, сорбонная фигурка Сеньки... —

Путь до Москвы я вспоминаю с неолотой. Билет у меня был только до ближайшей станции, пропуска, который требовался тогда для въезда в столицу, и вовсе не было. Большую часть этого пути я проделал, хорюхис от патрулей и контролеров, под лавочкой, на подложке или за чужими чемоданами на верхней полке. Аля и я сидели встало. Она жила в одном из кривых арбатских переулков, снимая угол у аккуратной старушки, которая по утрам шла кофе, проезжая его через серебряное ситечко, а потом целый день читала «Поваренную книгу» подарок молодым хозяйкам или «Юный и мир».

Когда в день приезда я появился у Аля, она очень обрадовалась.

— Это мой земляк... Смотрите же, этой мой земляк. Он в имени, родом, земляк,— без конца повторяла она старушке, а потом вдруг спросила, не привез ли он от ее родителей продукты или денег.

Я сказал, что мне и в голову не пришло зайти по магазинам к ее родителям.

— Ах, какой ты... с досадой сказала Аля.— Ехать в Москву и не захватить от наших продуктов!

Вечером мы вышли погулять. Вовне не забывая, что в пятницу, оставившись в меня, когда под грохот пушек над городом вдруг расцеловали снопы ракет, и отражаясь в иззеланной черной воде Москвы-реки, медленно горели в вышине. Мы стояли на Крымском мосту, вокруг нас ничего не было, я в наступлении после новой вспышки темноте, с смесью от восторга, поцеловал Алю в глаз.

— Теперь салюты каждый день. Иногда даже по два и по три,— сказала она, расправляла пальцы в воздухе.

А мне вдруг почему-то вспомился промерзший союзный клуб и холодная, отужденная Аля, пристально смотрящая на кочнотый огонь керосиновой лампы. Почему? Но силком мне было было решено выскользнуть обстоятельством, чтобы заниматься этим вопросом.

Утром моросил гнусный ледяной дождик, какой по странному особенностям климата бывает только в Москве. Переговаривая на вокзале, я с ребятами был в первую очередь и противным дезинформированным превиском во рту ходил по улицам, читая в витринах «Мосгорсправку» объявления о приеме на работу. Наконец я нашел то, что мне было нужно. Строительная секторная контора (иногда в недоразобранном слове) принимала рабочих разных специальности, в том числе плотников. Визу медицина буквами значилось: «Мужчины предоставляется обобщитесь. С какой мойкой пришедшей глянцую это слово на меня, действительно начинающего опущать себя одиноким и потерянным в этом огромном городе, окутанном амальгамой пылью дождя!»

Мне пришлось ехать на электричке до маленькой дачной станции, где за слышащих набором из свежего горбушника и нашел строительную контору, а вечером, претерпев мытарства संबороботки, уже старательно обкашлявал сапоги на пороге дождатого здания барачного типа, ставшего огаином моим домом. С Алей я виделся почти каждый вечер. Все время она находилась в каком-то подаловенно-раздраженном состоянии и даже радостные известия сообщала мне с нехорошей, кривой усмешкой в углу рта.

— Сегодня,— она назвала имя знаменитой артистки,— сказала, что у меня очень своеобразное дарование, к которому трудно подобрать педагогический ключ. Чуть какая-то...

Ожидаясь, Аля только в те дни, когда поворачивала к дому дельца. Она шла в коммерческий магазин, покупала там сладости, а спустя неделю спрашивала меня:

— У тебя есть денюги? Дай мне, пожалуйста... Или, лучше, вот тебе картонка, или ил выкупи зам!

Безрасудный от счастья самоощерования, я отдавал ей все, что у меня было, а потом с тоской и болью понимал, что скоро опять потеряю ее.

И вот я снова стою на вокзале — незадачный герой очерковой перронной драмы. Как странно, что самые тяжелые минуты моей жизни непременно оказываются связанными с

вокальной ступолью, а ветренивыми вздохами паровоза, с конвульсивно прыгающей стрелкой электрических часов и с тем особенным ароматом перрона, в котором смешиваются запахи карболки, угольного газа, мазута и металла... На исходе ноября, в пасмурный день, на вывоз, что она уже не моет, что вся она там, за сотней километров отсюда, в спокойной, тихой и уютной жизни родительского дома.

Али, прощай!

Через несколько дней я проходил приписку в райкомхоза. Там же мне более осведомленной свертки научили меня не жалеть мобилизации, а идти добровольцем: мобилизованных отправляли в училище, а добровольцев — сразу на фронт. И мы напали только общее заявление, поставив под ним длинный ряд подписей...

На этом можно было бы закончить мой рассказ, если бы совсем недавно сама жизнь не пролила его.

Окончив военную академию, я был направлен в И-скую секторную часть, путь в которую лежал через горы, где началось мое юность. Как преобразился он, скрывающий грязно-зеленую маскросовую распу, эту вынужденную одождную войну! Стал шире, светлее и еще похоже на оживленный южный город!

До отхода поезда оставалось четыре часа. Купил цветы, я пошел на кладбище, где вечно огорода, в городские госпитали. Там я нашел маленького ребенка с пожелтевшей фотографией в траурной рамке и внахуло: «Вради радиной Совет Александрович Братки 1925—1944».

Да, по странной прихоти судьбы раненый Сенька был эвакуирован в родной город и скончался в заняти по госпиталь школе, где когда-то впервые открыл бумажку.

Конечно, я вспомнил и об Ане. Вернее, воспоминание об этой первой, робкой любви неизбежно жило во мне всегда, потому что не самое ли это сладчайшее, трогательное и оварительное воспоминание моего детства?

Возвращаясь на вокзал, я прошел мимо ее дома. На крыльце стояла высокая, полнотелая женщина и выколачивала ковер, перекурен его черны перьями. Прежнюю тоненькую, стройную девочку Аля она явноюнама разве характерным прищуром близорукых глаз, и я прошептал, слегка лишь замедлив шаг. Мне показало, что если я заговорю с ней, то это будет посягательством на прекрасное воспоминание юности, чистое, как тот памятник, завазвестуности, и грустное, как те чужие слова, которые мое воображение навязало им, своеобразным содержанием: «Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь тебе...»

ЗАБОЛЫВИ РАДОСТИ НИНЬЮ ГОРЕНЕНУ

Мих. ЗЛАТОГРОВ

I

Дружно взявшись за руки, на дне широкого котлована стоит группа молодых людей. Кто в майке, кто в комбинезоне; одни в забрызганных грязью сапогах, другие в танках. Сзади группа громоздится горы земли, стальными экскаваторы с задранными к небу стрелами, а еще дальше видны контуры неосторожных заводских корпусов.

— Вспоминаете это время? — спрашивает меня Нина Горшенева.

— Сорок седьмого?

— Илья сорок седьмого, — уточняет Нина, забрав назад маленькую любительскую фотокамерку. Она ей дорога. Девушка заворачивает снимок в чистый лист бумаги и бережно прячет в нагрудный карман черного халатика.

С Ниной я встретился вчера на широкой прямой аллее, проложенной между корпусами Минского тракторного завода. Но познакомился с этой девушкой почти восемь лет назад. Тогда не было еще здесь ни корпусов, ни аллей — каменщики только выкадывали стены будущих цехов.

На Минский тракторный съезжались в тот год молодые специалисты из разных мест. Приехала сюда и уральская комсомолка Нина Горшенева, только что окончившая техникум. На ее худощавом энергичном личике забавно выделались большие очки. Она была умнучка, работала с группой друзей будущих технологов, инженеров, конструкторов. Нина жила прямо в цехе, где завершался монтаж оборудования. Ничего, жила не туго, а даже стены устранила под радиолю. А Нина не только помогала монтировать станки, разрабатывать карты технологических операций, но и первая отталкивала от станков любопытных мальчишки — также, например, как шефство специалистов над молодыми рабочими. До сих пор я храню старый номер комсомольской газеты «Черная змея», в котором помещена заметка о том, как Нина помогла ученику токаря Коле Кузовову.

Прошло восемь лет. Почти две пятилетки легли между тем летом и нынешним. Две посвященные пятилетки — целая эпоха в жизни молодого поколения.

На том месте, где в 1947 году фотографировала группа юных энтузиастов, теперь стоит сборочный корпус огромного тракторного завода, мадакото брата СТЗ и ХТЗ. Минские тракторостроители, вдохновенные историческими решениями Коммунистической партии и Советского правительства, о дальнейшем подъезде колхозного хозяйства, создают все свои силы родному делу. Тысячи тракторов «Беларусь» успешно работают на полях страны.

Нину я сразу узнала по ее торопальной походке. Схватил меня за руку, она весело бросила взгляд очкой стрелам газетам и с места в карьер стала излагать накопившиеся новости. Тут было всё: и нынешний график, и то, что она замесит начальником технологического бюро автоматного цеха, а Мама Ангивич уехала на целину, что Коля Кузовов — помните, учеником токаря начал — теперь уже мастер, и что ей, Нине, дали специальное задание — новым домом, но соседи неважные, а в общем все это нустика... Мы условными встретились на следующий день у нее, в технологическом бюро автоматного цеха.

— И вы и Нина...
— Молчат за стеной станки: как обеденного перерыва.

На стеной тектор висит доска с образами деталей: всевозможные косяка, скобы, рычажки, конические нарезные пробки. На столах чертежи, сынки.

Нина выбрала это спокойное время, чтобы усидеть и поболтать со мной и кое-что сделать «по общественной линии».

Рабочий день был у нее распределен по минутам. Она мне показала свой план дня: он состоял из сорокати пяти пунктов: первые шесть были уже вычеркнуты — утро не прошло даром.

Перед девушкой стоил длинный узкий ящик с картоткой. Разгребая, вынимала из ящика и просматривала карточки, что-то выписывала, а потом ставила карточки на место.

— Что это вы выписываете? — сказала она.

— Статьи будут писать, — сказала она. — Против волюнты с рационализаторскими предложениями. Знаете, как меня в редакции многотиражки прозвали? — Она ухмылялась. — Корреспондент скандальной хроники.

— Скандальная?

— Ага, скандальная... Как заметку мою печатают или карикатуру каку-нибудь смастерили на мой счет, сразу выношу вонки: обижаете товарищи начальники. Вот недавно нашего главного технолога товарища Забродина изобразили. Сидит он у станку-тадаки, и она ему говорит: «Дай деталь на работу!» Тут такая история. Четырнадцать деталей трактора наметили перевести сковки на литые. Большая поучальнее бы экономия и металла и рабочего времени. Заводину еще в феврале предложили разработать новую технологию по этим четырнадцати деталям. Ничего не сделали.

— Что же он? Неужели не понимает важности таких нововведений?

— Понимает. Знающий инженер. Только... души в нем нет. Зайдет к нему по делу, головы от бумаж не оторвет. В стеганых газете у нас помещали объяснение: «Потрясающе объяснение». Напешедши просят вернуть главному технологу. Такой, знаете, человек. После карикатуры перестал здороваться. Пускай, я уже привыкла. Хуже, что он наших рабочих-рационализаторов обижает. Смирится.

Она вынула из ящика карточку и плашмя ее передо мной.

— Задание номер сто девяносто, — прочитала Нина. — Дату, двести двадцать февраля. В чем тут суть? В цехе нет шаблонов для заточки кругло-фасонных резцов. Невозможно проверить угол заточки. Отсюда и брак и потерянные минуты. Мы требуем, чтобы отдал главного технолога выслать чертежи на эти шаблоны. Никакого ответа. Ох, до чего надоела волюнты! Вот задание. Нужны подлинные Забродина. Но я, исполняющая обязанности начальника цеху, не имею права обратиться непосредственно к главному технологу. Несу бумажку в отдел и отдаю ее востановления. Ну, тогда даю двести двадцать тридцать два. Выпускаем мы такую деталь — валами — вольфрамовый трубчатый. Когда эту «бонку» отрезает на автомате, получаются заусеницы. Значит надо на точилье. Значит надо. Но как? Голями руками держат деталь. Над точильем и неудобно, да рабочие и сыныны свои отбивают. Предложили мы сделать специальные жимки. Вроде плоскогубцев. Видите, и схему прилагаю. Опять нет ответа...

Только теперь я замета, что Нина все же сильно изменилась за прошедшие годы. В уголок глазлучился морщинки, в стремительной речи, всегда такой задорной, пропояла нотки горечи.

II

В один из последующих дней пришлось мне побывать на совещании заводских технологов, которое проводил главный технолог Минского тракторного завода Константин Павлович Забродин.

Из легкой, куницы, пресового, дизельного, сборочного — из всех цехов собралась специализация, отвечавшая за точные и ритмичные изготовления самых разнообразных деталей, составляющих современный трактор. В основном это были молодые люди.

Забродин просматривал бумаги. Ему некогда было отвечать на приветствия. Приглашенные рассаживались молча, никто никому не задавал вопросов. Наконец главный технолог отодвинул в сторону папку с бумагами.

Некоторые время от молчал, оглядывая собравшихся. Потом заговорил неторопливо, солидно, подчеркивая и растягивая некоторые слова по слогам: «поднять активность», «составить мероприятия».

Забродин обрывается на своих подчиненных за неумением к творческой инициативе рабочих. Недоценивает, мало, товарищи, рабочее изобретательство. Мало, мол, помогаете рационализаторам. Коллектив технологов большой, предложенный поступает мало. Надо, мол, поднять активность масс и так далее в том же духе.

Кто-то спросил с места:

А как же Константин Павлович, с теми предложениями, которые вы поступаете? Будем мы их внедрять?

Забродин сделал вид, что не расслышал. А я вспоминаю карточки, которые накануне выдвигала в Цеховую инспекцию автоматного цеха. Сколько, наверно, таких же карточек недвижно лежит и в других цехах! Сколько вопшеч смелой мыслию погнало, сколько драгоценных крупинкой подсказывала в Цеховую инспекцию. И холодным лицеванием повело на меня от «разносной» речи главного технолога.

Вечером в конце смены несколько инжениров товарищей по профессии задержали на заводе. Вспоминаю подробности, обсуждан заводские дела, выслушания на Совещании работников промышленности в Кремле. Я записал некоторые из высказанных в этот вечер мыслей, отражающих настроения не только молодых технологов Минска.

— К нам, технологом, существует какое-то полупренебрежительное отношение. Нередко слышишь «Бездельники... Все работаю даю продукцию, а неизвестно чем занимаетесь». Подчиненные мы главного технолога, а зарплату получаем в цехе. Все время между двух огней. И превращают нас как-то толкаешь. Как уное место, туда и посылают. Сегодня — одно, завтра — другое. И вот за мелочами упускаешь главное. О передовой технологии, о внедрении новейших производственных методов в цехе и в другом цехе?

Помните историю в автоматном цехе? На одном участке шло много брака. Никто не могли добиться чистой обработки отверстий в цилиндрах. Тут кому-то случайно подалась на глаза статья в техническом журнале об опыте новороссийского завода «Красный двигатель». Тот же процесс, что и у нас, тот же вертикально-холиговальный станок. Однако новороссийский принцип и основа холиговальную головку. Пневматическую. У нас такой не было... Побежали со статьей в отдел главного технолога. Там только лачами пожали, ничего, дескать, не выйдет... А мы в цехе все же перенесли на себя инициативу той вариации, сделали на свои страх и риск такую же пневматическую головку, и получились. Нет теперь в дизельном браке, и производительность круто выросла вверх. Но все это произошло случайно!

— Без горизонтов живем, без заглядыва в будущее, вот что плохо. Как окончили техникумы и вузы, так перестали учиться.

...Только что изготовили на станках «пробку рулевого управления» по новой технологии. Отличные результаты! Предложил эту новинку помощник Николая Кузюкова (второй слева). Нина Горшенина от души рада успеху молодого технолога.

Фото М. Афанасьева.

Характерный случай с Машей Куницыной. Это наш технолог. Поручил ей руководить кружком в цехе по техникуму. А Маша: «Не могу!» — Почему? — «Ведь я закончила цех, что продолжать в техникуме и мне самой надо учиться». Главного технолога все это не тревожит. А вот у конструкторов наших все по-другому. Там учатся, все учатся! Товарищ Дронг, главный конструктор, сам много читает и от всех требует. Выезжают на другие заводы, в МТС, на испытания тракторов, обсуждают новинки техники, спорят, дискутируют. Почему же для технологов нельзя организовать нечто подобное?

— Самы виноваты. Мало требуем от дирекции. Гордиться должны своей профессией, знать свое место на заводе. Ведь как хорошо сказал о нас, технолога, товарищ Вугачин: «Читай газету? Читай лих роль». Двинуть вперед технологическую науку. Больше возлагают на нас надежды. И надо эти надежды оправдать!

III

В автоматном цехе радостное событие: только что проверили на станках новую технологию изготовления детали «пробка рулевого управления». Отличные результаты! А предложил новинку мастер-комсомолец Николай Иванович Кузюков — тот самый Коля Кузюков, о котором рассказывала Нина, вспоминая 1947 год.

Тенная кучка производственников обступила станок. Все разглядывало, ошупывало еще теплые поспе реза «металлишки», как джаскетные называют станочники мелкие детали. Здесь и Нина Горшенина (сколько раз советовала с ней Николая), и мастера с других участков, и секретарь партбюро Крылов, и самый придирчивый из технологов — пожатой суговатый Алексей Антонович Даубар в старомодном синем куртке с длинным козырьком и с неизменным штангенциркулем в руках. Даже он улыбается и поздравляет Кузюкова.

Что же удалось сделать Кузюкову?

Спросите его, и он охотно объяснит. Он выловлен в завод, в цех, в строительные ряды умных автоматов. На нем спортивная, со вкусом шитая курточка, глаза смотрят прямо и весело. Ничего такого особенного он не сделал, только совместил две операции в одно. Раньше за один ход станка снимали вот такую, — видите, какая изогнутая? — штюковку. Ее надо было еще разрезать и расшерстить, чтобы получить готовую деталь. А он предложил вот так: за один рабочий ход сразу две готовые детали. Готовки! Доделки не требуются.

— Шесть минут на каждом комплекте трактора выгадываем, — вставляет секретарь партбюро, — Большая экономия!

— Тут я сам мало чего... — смущенно говорит Кузюков. — Техбюро помогло. Вот Нина спасла...

— Здравствуйте! — комично разводит руками Горшенина. — Сам мучился, сама меняла скорости, подбирала реза, а сейчас скромничает.

В конце смены я снова заглянул в технологическое бюро. Здесь сегодня было особенно многолюдно.

Обтираю ветшью рук, входил станочники, слесари, наладчики. Шесть разговоров об успехе Кузюкова, о трудностях операции, о производственной культуре. Как выжать максимум из четырехсот восьмидесяти минут рабочего дня? Сколько еще тратится драгоценного времени из-за невинности, халатности? То копирь сработали, то подающие цепи неисправны. Часто нет под рукой ключей, отверток, холодных резов, сверл — вот отсюда и потери получаются.

За соседним столом Алексей Антонович Даубар. Он отвечает за внедрение рационализаторских предложений, и у него спрашивают рабочие о внесенных ими предложениях: «Ну, как мое? Есть лишить? Берете?»

Настойчивее всех слесари-сборщики Саша Бузун, крепкий, широкоплечий парень в заправленном в брюки свитере, подпоясанный широким ремнем с якорем на пряжке.

— Как с бышковой решишь? Ее отбавить — много стужки. На горячую штамповку перевести. Хорошо будет!

— Если у вас такая идея... — вынужденно принизит Даубар и поверх очков требовательно взглядывает на него слесарь. — Схему изчертай!

— Корю у меня получается, — вздыхает Бузун.

— Ищете... слышу я шепот Нины, — Вот парней все время ищете... Из-пол Сашка, прямо из колхоза на завод. Как когда-то Коля... Думавший!»

— Алексей Антонович, а вот же по одной детали, — продолжает Бузун. — Зачем другос фрезеровать, когда можно трубу использовать? Метчики не так будут ломаться.

Старый технолог опять разъясняет, что по каждому предложению требуется схема, обоснование.

Завоняла телефон. Горшенину вызвали к главному технологу.

— Наверно, о наших невинносленных требованиях, — усмехнулся Бузун. — Помните, я вам показывал? Живил и прочее. Критика все-таки действует. Зашевелились!

В одно мгновение собрал на столе чертёжные документы, свергла в ящик. И вот уже исцелся за дверью.

— Огонь! — по-отечески покочка головой Даубар. — Все живя же здесь.

Участники Международного семинара студентов сельскохозяйственных учебных заведений на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Фото Г. Воржисова.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Бесконечными потоком движутся по дорожкам и аллеям посетители. Среди яркой зелени мелькают расшитые украинские рубашки, пестрые узбекские халаты, каракулевые плахи, остроконечные гучульские шля-

пы. Солнце щедро заливает огромную территорию выставки, горит на куполах павильонов, отражается в стеклах, свет радугой в брызгах фонтанов.

Гостеприимно распахнуты двери дворцов-павильонов. Все богато колхозного и совхозного

На молочно-товарной ферме совхоза Горки-II участники семинара угощены парным молоком. На снимке: норвежец Оттар Врис, англичанин Аллан Фернессон и датчанин Георг Ваане.

Молодой норвежец Эйверт Берге заинтересовался экспонатами павильона Грузинской ССР.

опыта, достижения советской сельскохозяйственной науки наглядно показаны на стендах, участках, площадках.

Не случайно именно на выставке проходил Международный семинар студентов сельскохозяй-

ствам и Голландии, Франции и Туниса. Юноша из Германской Федеральной Республики подружился с молодыми представителями ГДР. Студенты рассказывали друг другу о своей жизни, делились впечатлениями и планами, обменивались значками и адресами.

Никогда не излагались из павильона участники семинара волнующий день, когда обсуждался вопрос об укреплении связей между молодежью мира. В зале, украшенном флагами и цветами, в торжественной тишине был зачитан текст совместного заявления, в котором говорится:

«Считая, что международное сотрудничество студентов сельскохозяйственных учебных заведений отвечает их интересам, мы обсудили пути и средства установления и расширения этого сотрудничества. Развитие сотрудничества содействует не только профессиональной подготовке, но и укреплению взаимопонимания и дружбы между народами, делу сохранения мира во всем мире».

Эти слова вызвали бурную овацию в зале.

Мир нужен всем. Только в мирных условиях могут расширяться посевы, зеленеть сады, процветать наука и искусство.

С сожалением покидали студенты гостеприимную Москву. Но многие из них надеются встретиться снова в будущем году на третьем Международном семинаре в Осло.

Молодой индеец У. К. Суббия записывает в книгу отзывы свои впечатления о посещении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

стванных учебных заведений. Здесь собрались представители Албании, Австрии, Англии, Габони, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Германской Федеральной Республики, Голландии, Дании, Индии, Индонезии, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, Туниса, Франции, Финляндии, Швеции, Чехословакии.

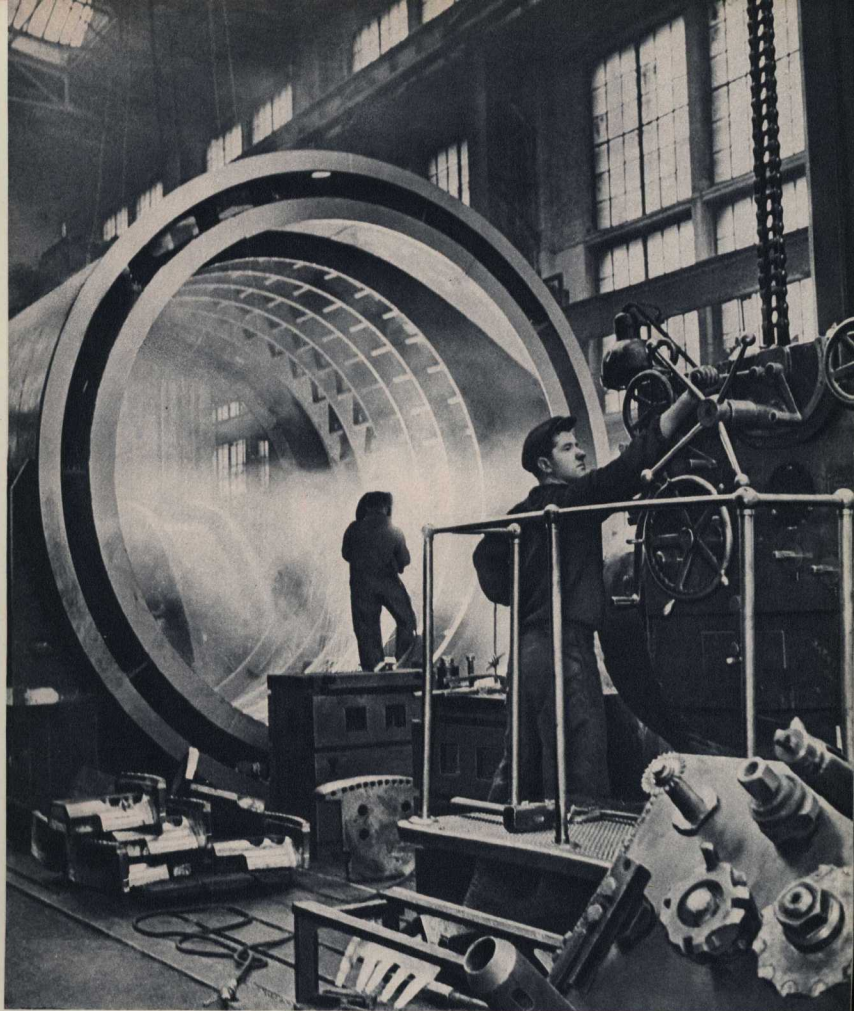
На семинаре выступили с докладами видные советские ученые Г. Д. Лысенко, П. Д. Лаптев и П. М. Жуковский, профессор Утрехтского университета Стефанос ван Дитен, молодой румынский ученый Василе Пунган.

Много нового узнали студенты на семинаре. Здесь между молодыми представителями различных стран завязалась крепкая дружба. На заседаниях семинара бок о бок работали представители Индо-

Альфред Эрдгольд (Германская Федеральная Республика) дает интервью корреспонденту московского радио.

Ленинградский завод «Электросила» выпускает мощные турбины для гидроэлектростанций нашей страны и стран народной демократии. Завод одним из первых в Ленинграде выполнил пятый пятилетний план. Больших трудовых успехов достиг молодежный коллектив цеха турбокорпуса. На снимке: лучший фрезеровщик Борис Иванов за работой.
Фото А. Мокляцова.

СЕРАФИМА КОТОВА

Вс. ИЛЬИНСКИЙ

«УДИВИТЕЛЬНАЯ У ВАС СУДЬБА...»

Это было в дни XII съезда комсомола. Группа девушек и юношей, представители молодежи Франции, приглашенные на съезд, вошли в Георгиевский зал Кремлевского дворца. Они восторженно смотрели вокруг. Ни в дворцовое великолепие поражаало пространство, в море людей — живое, смеющееся, бурлящее. Тут собрались лучшие комсомольцы, слава и гордость молодежи советской земли.

В этом зале группу французской молодежи познакомил с одним из делегатов съезда. Перед гостями стояла совсем еще юная девушка.

— Серафима Котова, — назвала она себя. — Здравствуйте!

Переводчица рассказывала гостям о том, как складывалась жизнь Котовой, которую теперь знает вся страна.

— Вы рядовая призывница? — спросила французка.

— Нет, недавно меня поставили бригадиром.

Буйным повозомем звучат вокруг молодые голоса. То тут, то там вспыхивают лесные — борные, огневые, комсомольские.

Девушка из далекой Франции обращается к переводчице:

— Передайте ей: удивительная у нее судьба. В моей стране так не живут молодые работницы.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Серафима помнит: когда на станции Нелдово садилась она в поезд, шел теплый дождь. Свет фонарей мягко ложился на нее, делая, покрывая серебристым глянцем каждый лист, — ведь наступил мир, и нигде уже не было затемнения.

Сима отыскала воинский вагон, спросила проводницу:

— У вас найдется место для меня? Я только что демобилизовалась и еду учиться.

— Такая молоденькая, а уже воевала? — Да, три года.

В вагоне было накурено. В жесткой оправе над дверью тускло пылал огонек свечи. Сима устроилась поудобнее на багажной полке, положила под голову френговую вешмашку.

Не в первый раз Сима покидала обширный лесной край, из которого надежда, может быть, навсегда, теперь уносила ее поезд. Здесь, возле города Великие Луки, она росла и училась.

НА ВКЛАДКЕ. Хорошо после трудового дня отдохнуть на лоне природы, помянуть на ветру раны, испытанные в трудовой зенитной! Знатная призывница Серафима Котова любит проводить часы досуга в живописных местах родного Подмосновья. Фото Т. Ю. Киселя.

Вспоминалось под мерный стук колес: по вечерам в доме Котовых зажигали керосиновую лампу, мать и дочь рядом садилась к столу. Учились обе: Серафима — в семилетке, мать — в школе взрослых. И часто, положив перо в железок чернильницы, Мария Егорова просила:

— Провера-ка, дочка, что я тут написала.

Зимой по субботам мать все выжидала на окошке затнутого морозным рисунком. Она прорывно поднималась с лавки, если слышалась наконец скрип поюзья. Это приезжал отец; он работал в соседнем селе.

Однажды год Новый год отец уехал, а через полгода Сима в школе передала письмо.

— Отнеси домой, — сказала учительница, помочала я, вздохнув, погладила Симу по голове.

Так в деревне узнали, что Котова, из одеситянина и бывший председатель сельсовета, не вернется с финского фронта. Трудно жить без отца... А в 1942 году погибла и мать.

...В эту ночь, на пороге нежданного будущего, в вагоне перед Серафимой Котовой во весь рост встало ее детство — нелегкое, тревожное.

Утром поезд пришел в Москву. Девушка спросила, как добраться до Красной площади, поехала на синеватой брусчатке, по которой недавно, на параде Победы, шли боевые танки, овеянные жаркими ветрами сражений...

Только вечером Сима вспомнила, что, собственно, она одна в незнакомом городе, что денег у нее в обрез, села на сорок сельской трамвай и поехала по ижевшему у ее адресу в Ногатино.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь этой девушки, тивнувшейся к занятиям, к работе, в какой бы области труда нашла она выход своим молодым силам, если бы в этот самый трамвай не вошла с передней площадки пожилая женщина. Сима вежливо уступила ей место, и они разговорились.

— Вот тебе мой свет, милая, —

Члены бригады Серафимы Котовой — частые гости у своего бригадира. Девушки селятвет хороша, крепкая дружба. Наш корреспондент сфотографировал их во время обсуждения прочитанной книги.

Фото Г. Дубинского.

Каждый день Серафима Котова вносит что-нибудь новое в работу... Внимательно слушают своего бригадира призывницы Инна Шагуркина и Мария Иванушина.

сказала женщина и положила на синюю руку шершавую, много потрудившуюся ладонь. — Выходи через три остановки, спроси, где шерстопрядильная фабрика имени Калинина. Вский знает: фабрика хорошая, известная. При фабрике школа есть. Поступай в нее, поманешь меня добрым словом.

В тот июльский день, десять лет назад, в боро пропущено фабричной вошла пятнадцатилетняя девушка в стирной солдатской гимнастерке. Никто тогда не знал, что спустя несколько лет поэт Степан Шнпачев посвятит ей такие строки:

В бригаде так сумела всех сроднить,
Что им сердца одна забота
греет.
Едва ли где ровнее лесить,
Едва ли в работе палцы есть быстрее...

ДЕТСТВО

— Ну, а ты откуда? — спросила Симу юные подруги по общежитию и завтрашней жизни. И Серафима рассказала о себе. У каждого человека свое детство. У одного оно безмятежное.

полное уюта и солнца, у других — скучное радостями, обильное горем.

— Оно так рано кончилось, мое детство! — сказала Сима.

...Когда от ближайшей канопы в окнах уже дребезжала канопы, а над дорогами «мессерингиты» с расцветы и дотемна висели, а небо рассердило все живое, а колхозники сложили пожитки на телеги, посадили детей в януле, на восток. Но пришлось вернуться: крутом горела земля, наполнив воздух гарью сожженных хлебов.

Сперва в село Максимова Гора врывались только карательные отряды. Они отбирали масло, хлеб — все, что сохранилось в амбарах от прожор, захваченной жизни. Затем в опустошенной деревне расположились финской гарнизон. Полетели в сети книги и горшки с комнатными цветами. Безмятежных людей выптали из их жилищ. Все увеличилось жителей — их набралось человек пятьдесят — с того дня жили в худой тесной бане на краю деревни.

Советские войска освободили деревню в праздничный день — 23 февраля 1942 года. Пришли родные, умябачишие люди в белоснежных маскхалатах с автотоматами на груди и автословачками на панках-ушках. Молча слушали они расказ матери Симы.

— Изабави, ролимте, от супостатов! — говорили Мария Егорова, плача от радости.

В тот же день она была убита осколком финской бомбы. Дети остались одни. Сима было двенадцать, ее сестрине Нине — шесть.

Серафиму взял с собой начальник полевого госпиталя подполковник Макс Владимирович Межевич.

— Будешь нам помогать, — сказал он.

Воспитанцы усадили в крытый грузовик, укутали ноги одеялом, шофер вел машину в колонну таких же грузовиков защитного цвета, и Серафима Котова двинулась навстречу неведомой фронтовой жизни.

Три года жила девочка с госпиталем по дорогам войны. Она видела след Смоленщины, от которых остались лишь черные трубы, леса Белоруссии, ирландские артиллерийские орудия, полные море и лапневые просторы Карелии. Каждое утро Сима бежала на радиоузел, первой узнавала сводку Совинформбюро и по всему госпиталю разносила весть о новых городах, отвоиненных Советской Армией у врага. С каким вниманием слушала в настороженной тишине палат ее детский голосок, переключаясь от радостного восторга! Дел у Сима было по горло: написать письмо под диктовку солдата, закованного в гипсовый панцирь, выдать врача, побегать в штаб, принести выходящим солдатам шапки, починять вслух «Василия Теркина», подать воды... Постепенно она научилась делать ухваты и переносные ящики.

Крепко любила в госпитале эту шуструю, исполнительную, коротко подстриженную девочку в сшитой по росту гимнастерке и солдатских кирзовых сапогах. Врачи, медсестры и раненые — все окружали маленького сфрейтора заботой, делали все, чтобы скрасить суровое детство, вымывшее на долю Сима.

Война шла к концу. Все чаще раненые бойцы вспоминали родные места — кто металлургической завод, кто степь, до горизонта зарыленную трактором. В такие

минуты, когда в палатах высказывались вслух сокровенные мысли о мирном труде, думала о своем будущем и подросшая Серафима.

— И вот я здесь.— Сима, улыбаясь, отягдела подруге.— Теперь нам вместе жить, вместе учиться и работать.

«НАША СИМА ПОЙДЕТ ДАЛЕКО!»

Знакомство с фабрикой началось с осмотра цехов.

Прядильный. Шумят длинные, от окна до окна, машины. Все в них вертится, колышется. Из своих катушек с рванойся здесь большими жгутами волокнистая масса, исчезает в металлических частях, а внизу на сотни веретен наматываются уже готовые, тончайшие, едва видимые шерстяные нити. Иногда нить рвется, ее немедленно соединяют, приспичивают.

— Обратите внимание, девушки, как ловко и проворно продолжают фабричные девочки, они вышивают нити. Иногда нить рвется, ее немедленно соединяют, приспичивают. — сказала инструктор производственного обучения Анна Никифорова Межкова. — Они знают, что стоит прогладить образ, и нить, вместо того чтобы наматываться на шпулю, опутает разные части машины. Получается «угар» — брак. В прядильном деле очень важно уметь приспичивать нить. С этого и начнем.

Опытная прядильница обслуживает одну, а две другие стороны машины, то есть двести или даже четыреста веретен. Ученица для начала ставит по 25 человек на сторонуку и выключает прядильную машину на такие обороты. Если нить обрывалась, они приучались ловко ликвидировать образ. Постепенно все меньше и меньше ставили учениц на сторонуку, и вот, наконец, каждая приучилась управлять одна с двумя мстами непрерывно движущихся нитей.

Пявть месяцев пролетели быстро. Серафима Котова, как и ее подруги, перешла на самостоятельную работу в цех.

— Вот и в прядильница. — На фабричном входе ее темнота, когда новая смена входит в цех.

Серафима провернет состояние машины: читает ли она, не выдает ли брак все ли веретена работают? Затем принимает смену. Так начинается ее трудовой день. Он проходит в размерном, внешне однообразном ритме, без которого невозможно прядение. Быстро снуют в проходах между машинными девушками в косынках. Когда пряжа наматывается до отката на картонные шпулы, они снимают готовые початки, стараются сделать это быстрее, чтобы машина не простаивала.

Однажды Серафима Котова обратила внимание на то, что комсомолец Ранса Шорина, с которой она вместе училась в школе ФЗО, снимает початки очень быстро. Ранса берет с веретена образцы обмотки руками по десятку объемистых штук. Сима же каждой рукой сжимала только по две. Так делали и другие работницы фабрики.

— Как это у тебя получается? — Я долго тренировалась. Попробуй, и у тебя получится.

Сима попробовала и поняла: да, получается, но не сразу. С непривычки початки вываливались из рук и пахлякали на пол. Многие сик потратила Сима, пока научилась бросать в металлическую тележку одновременно шесть початков, затем восемь... Особенно трудно было с минимизми: ими никак не удавалось захватить по два последних початка.

Теперь Сима сразу снимает шесть штук и вместе движух с лишним минут по норме тратит на эту операцию одну минуту.

Котова упорно учится у других, перенимая все удачные новшества. Успехи в работе скоро сделали ее заметной в цехе, и вот пришел день, когда ей доверили большое дело: руководить бригадой молодых прядильниц.

— Наша Сима далеко пойдет! — говорили в цехе. — Вель она учится. А раз учится, значит, своего добьется.

Серафима помнит: как-то, вскоре после окончания школы ФЗО, ее встретила секретарь комсомольской организации фабрики и сказала:

— Что ж, работа у тебя вышла вельюю для начала. Ты, Сима, способная. Не поучиться ли тебе дальше?

Комсомолки помогли ей поступить в вечернюю школу рабочей молодежи. Она окончила ее, затем подала заявление в техникум. Сейчас перешла уже на четвертый курс. Впереди еще многие годы учебы — вель Сима собираетс я в институт.

Сколько вечеров проведено в

общеклассе за учебниками и тетрадями, испещренными алгебраическими формулами, в прядильном разглагольствии, бурно-веселых озадаченных географических карт, с которых как бы встал в лицо ветром далеких преевот! Серафима не знает, что скоро ей доведется поехать за рубежом, в стразах, строящих новую жизнь, встретится с людьми, которые знают ее имя... Она до вочи сидит над книгой.

— Тебе вельюю просе рано аставаться! — скажет, топнувшись, кто-нибудь из подружек. — Ложись.

Но Сима лишь плотнее зажавит лампочку, чтобы свет не падал на спящих.

Зато в свободную минуту Серафима — первая выдумщица и затейница. Такой уж у нее характер — общительный, живой, оживленный. Ее, молодой работнице, просто невозможно без общественных обязанностей, без коллектива. Профгруппа, которой долгое время руководила Котова, считалась на фабрике самой из лучших.

Девушек группы так сроднил цех, так организовала Сима, что и досуг свой они проводили сообща: ездили за город на массовые гуляния на лугах по лесным дорогам, допоздна, как птицы, летали по лугу, пока не загремит прошальный марш и над катком не начнут гаснуть гирлянда огней, хождения в театры, кино и в музеи.

Серафиму Котова — вожака молодежи — комсомольцы столицы избрали делегатом XII съезда ВЛКСМ. К тому времени имя бригадира прядильниц Серафимы Котовой было уже известно по всей стране.

ПОЧИН

Началось это в те дни, когда фабрике дали новый план. О нем бригада Котовой узнала из заводской газеты.

— До сих пор наша бригада трудилась как будто неплохо, — сказала Сима своим подругам. — Но партия говорит нам: еще больше продукции нужно для народа. А вот как этого добиться, давайте обсудим.

Сима отгадела юные, посеребрившие лица подруг. С ними Серафима давно сроднилась и знала: не только она сама, молчаливый комсомолка, но все эти девушки-комсомолки горячо любят Отчизну, мечтают видеть ее цветущей и могущественной. А вель так же вот, по-хорошему беспокойные сердца у всех советских новаторов — Валентины Хрисановой, Федора Ковалева, Лидии Коралыбинской.

— Почему бы не попробовать и нам работать по-новому? — Серафима вверные высказала вслух мысль, давно волновавшую ее.

— Скорость оборотов выпускного шпинделя можно будет увеличить, — отозвалась Веля Фомина. — Вель работают же наши передовики на повышенной скорости!

Девушки стали возражать Валентине:

— Это многие пробовали. Многие! Но вель инги-то рвались и горели моторы!

— Да, нам нужна такая скорость, чтобы она не вела к увеличению брака, — заметила Котова. — Знаете что: надо сходиться к Мирнинскому.

— Славкина! Андреевна Мирниничко слыше двадцати пяти лет

В определенные дни депутат Верховного Совета РСФСР Серафима Котова принимает избирателей. Много внимания уделяет она своей депутатской работе.

фото В. Тюккеля.

проработала на фабрике имени Кадина и пошла большой путь — от рядовой прильницы до начальника цеха.

С первых же слов, сбивчивых и горячих, ветерану производства стало ясно, каким патриотическим воодушевлением охвачена бригада Серафима Котова.

— Хорошее дело затеял, девушки, — сказала Евдокия Андреевна. — Поддержим.

Особенно радостно было ей, старой коммунистке, что с почином выступила Серафима Котова, ее лучшая ученица.

Спусти несколько дней в красном уголке цеха состоялось производственное совещание бригады. Очередной номер фабричной мототракторки вышел с таким заголовком:

«На производственном совещании бригады были выявлены новые возможности перевыполнения плана и выпуска отличной пряжи. Поддержим инициативу бригады Серафимы Котовой!»

Какие же внутренние резервы измазали молодые новаторы? Сто семидеять семь оборотов цилиндра — вот традиционная скорость. При этой скорости пряжи вполне хватало даже некоторого перевыполнения нормы. Но инженеры и техники, к которым обратились за помощью Котова и ее подруги, подсчитали: стоит увеличить скорость лишь на пять процентов, до ста восьмидесяти восьми оборотов, — и бригада за месяц выдст сверх нормы пять-шесть килограммов пряжи, а значит, изготовит полтысячи дополнительных костюмов.

— Мы уравнимся с такой скоростью, — заявила на совещании Серафима Котова, — но сперва нужно подготовить к этому наше оборудование.

Когда все подготовили, заменили сработавшиеся детали, новаторы сумели достичь еще большей скорости — ста девятиса семи оборотов. И обрываются ищет при этом не только не возража, как опасались, но даже уменьшилась на одну четверть!

Освоение новых скоростей было первой победой бригады. Другие же резервы таились в организации труда.

Бригада Котовой скоро приглядывалась к лучшим приемам переработки производственной, вытискивала, обобщала и применяла в своей работе все то ценное, что рождалось в цехе. Опыт других перенимался бригадой вдумчиво и обогащался собственной инициативой. Локалку сьема готовых — пачек — с машины — по десять одновременно — члены бригады выучились у Раисы Шуриной, быстрой установке катушек — у предшественницы Ивченко и Фетисовой, а вот предложение увеличить вес сьема возникло в самой бригаде.

Нина Смирнова сказала одноклассникам:

— Давайте увеличим намотку пряжи на шпулю — начнем будет с самого низа, а заканчивая, чуть отступая от верха. Кроме того, можно початки лаять и подоты.

Попробовали — вес каждого сьема значительно увеличился.

Да разве перечислить все новшества, которые применяли в бригаде Сима Котовой! По окончании работы поновому бригаде достигла удивительных показателей. Если 27 августа, до своего почина, она вы-

пустила 358 килограммов пряжи, то 3 сентября — 412 килограммов, 7 сентября — 510 килограммов. 2 003 килограмма отличной пряжи выдала сверх задания бригада новаторов в сентябре.

В основе почина бригады Котовой — комплексное, одновременное использование разнообразных резервов производства. А это помогает перестроить работу не только прильницам, но и крутильщицам, гребеносальщицам, тростильницам, электротехникам. Причем перестроить без дополнительных затрат, на имеющемся оборудовании.

Этот почи открывает пути завтра — трудиться лучше, чем сегодня, — сказала бригадир крутильного цеха Фатева. — Мы подсчитали свои внутренние резервы. Уже в следующем месяце наша бригада выработает пряжи на 480 килограммов больше, чем она давала до сих пор.

Затем в соревнование вступили бригады крутильщиц Зуенковой, бригады прильниц, руководимая Платоновской. Инициативу Котовой поддерживали в равном духе. Через неделю по методу новатора на фабрике уже работало 189 производственных бригад.

ПИСЬМО ИЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

Занятия в техникуме окончились, экзамены позади, и вечер Серафима проводит дома. Пришел почтальон.

— Вот письмо из Болгарии. «Большой любовью мы изучаем великий русский язык, потому что это знание — это поможет нам лучше освоить ваш советский опыт, опыт передовых советских текстильщиц», — прочтала Сима. — Еще в прошлом году мы узнали из «Правды» о ваших достижениях, изучили их и постарались повторить.»

Молодые работницы города Софии просят Котову сообщить о новых ее успехах, о том, как живет она и ее подруги. Об этом же спрашивали Симу текстильщицы Польши и Германской Демократической Республики, куда она недавно ездил. «Здесь работают по методу Серафимы Котовой» — было написано на красивых полотенцах в цехах варшавских и лодзинских предшественниц.

Вечером к Симе пришли подруги — Ляля, Валья, Клава, Люба... — Давайте отвечать вместе, — предложила Серафима.

И девушки написали своим болгарским друзьям о том, что больше миллиона метров шерстяных тканей попутал народ из той страны, которую их фабрика выработала сверх плана с того момента, как зародился почи, подхваченный во всех цехах, что инициатор этого почина — Серафима Котова — избрана депутатом Верховного Совета РСФСР, что над машинками их бригады попеременно висит ясный вымпел: «Лучшей комсомольско-молодежной бригаде».

...

Вот она, трудовая, славная жизнь простой советской девушки, поехавшей в Варшаву на фестиваль молодежи.

Когда в груди бьется сердце патриота, когда помысли честны и руки трудолюбивы — так же человек непременно получит признание народа, заслужит уважение его и любовь.

В темпе марша

Музыкальная партитура с нотами и текстом песни «Песня студенческой дружбы».

ПЕСНЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ

Слова И. Кобзева

Музыка Л. Лавровой

Враг хочет смичь цветы и юнги,
Шашурит нас вновь в огонь войны.
В борьбе за мир, борьбе великой
Мы все решимостью полны.
Если вся юность земли
Плечи совинет,
Плечи войны
Зелья весны
Не совинет.

Припев:

Мы молодость мира — студентам,
Друзья свободы и мечты!
Прощаем по всем контратакам
Студенческой дружбы восты!
Всем, кто бредит войною,
Грозный дарю им ответ,
Сказав

— твою
Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!

Расквлял над миром туман,
Чтоб дать убийцам бойку в руки,
Чтоб солнца свет померк в дыму,
Если вся юность земли
Плечи совинет,
Плечи войны
Зелья весны
Не совинет.

Припев.

Луский парит над миром голубь,
Пускай обнимает друга друг,
Так юность плеснет есть всеяких
И много дая для честных рук.
Если вся юность земли
Плечи совинет,
Плечи войны
Зелья весны
Не совинет!

Припев.

КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАК

Фото А. Удлина.

Степь да степь кругом... Широкие, бескрайние донские просторы. Зеркальным блеском отсвечивают озера и пруды, созданные руками человека. Не-

А ведь совсем недавно здесь, в сальных степях, хозяйничал губительный сухой. «Куда ни глянешь», — писал А. С. Серафимович, — везде истрекалась сухая земля. Знойный ветер метет по дороге столбами пыль. Степь курится, а над ней там и сям горят смерчи, наводя ужасные и тошноту.

Знойный ветер «астраханец» и сейчас еще яростно набрасывается на сальные степи, пытаясь свести на нет плоды многолетнего упорного труда людей, борющихся за преобразование природы.

В таких сложных климатических условиях трудятся колхозники сельхозартели имени Андреева, Егорлыкского района, Ростовской области. Применяя методы передовой советской агротехнической науки, колхоз успешно справляется со всеми сельскохозяйственными работами и по всем показателям занимает одно из первых мест в области.

А ведь еще сравнительно недавно он был в числе отстающих. Все отрасли колхозного производства, и в особенности животноводство, развивались медленно. Чтобы помочь колхозникам поднять свое хозяйство, районный комитет партии поручивал довать на пост председателя колхоза воспитанника Ленинского комсомола Николая Семеновича Лаврова.

«В суровые годы Отечественной войны четырнадцатилетним парнишкой сел Николай на трак-

тор, а вскоре стал механиком МТС. Работал он с душой; его приняли в партию, затем выдвинули на работу в райком КПСС. Все на селе знали и уважали Николая Лаврова и поэтому единодушно избрали председателем.

С тех пор прошло два года. Сейчас можно с уверенностью сказать, что колхозники не ошиблись в своем выборе: председатель оправдал их надежды.

Деятельность свою новый председатель начал с экономического анализа артельного производства.

В первые же дни ему стало ясно: многие резервы колхозно-

го хозяйства остаются неиспользованными. Он подумал, например, что при соответствующей обработке земли бахчевые культуры, которыми славилась артель, могут принести колхозу больше дохода. И действительно, уже через год колхоз получил около трех тысяч рублей прибыли с каждого гектара.

Раньше ежегодно расходовались немалые средства на строительство хозяйственных помещений. Но все они сооружались из самана, то и дело требовали капитального ремонта. Новый председатель убедительно доказал колхозникам, что артель может

— Хороши хлеба! — говорит комбайнер тов. Марченко, любясь золотым морем пшеницы.

— Да, хлеба отменные, — подтверждает председатель колхоза Николай Семенович Лавров. Ему приятно, что труд колхозников дал такие замечательные результаты.

умолчно звенят птицы в густой листве полевых лесных полос. Кошутся золотистые волны озимой пшеницы. Зреет виноград, наливаясь янтарным соком. На колхозных пастбищах бродят тучные стада коров, олары овец.

Наступила страдная пора... Председатель колхоза Н. С. Лавров и секретарь партийной организации машинно-тракторной станции Ф. Т. Мусин беседуют о том, как организовать работу, чтобы в сжатые сроки и без потерь убрать хлеба.

перейти на строительство фундаментальных типовых зданий из кирпича и шлакобетона.

В колхозе когда-то был кирпичный завод. Но он не работал. Весной прошлого года по инициативе председателя завод восстановили и выжили 120 тысяч штук кирпича. В нынешнем году завод дал уже 300 тысяч кирпичей. Из Ростова завезли шлак, цемент, создали постоянную строительную бригаду. И работа закипела. В короткий срок были построены новый скотный двор, птичник, свинарник, овощехранилище, водонапорная башня, ветряной двигатель.

Давно накрыт стол. Евдокия Ивановна Лаврова и маленькая Люся ждут не дождутся Николая Семеновича к обеду, а его все нет. — Когда же придет папа? — который раз спрашивает Люся. — Что отвлекло папу? Разве ей понять, что в такую горячую пору ее папа очень занят.

Прослышав как-то Николай Семенович о том, что в передовом на Дону колхозе имени Сталина соорудили отличный механизированный ток.

Съездил председатель в этот колхоз. Так ему понравился. Он поделился своими впечатлениями с колхозниками. Решили построить еще лучший ток — ток-элеватор с полным автоматическим управлением. Через некоторое время на краю села возникло оригинальное по архитектуре сооружение. Мощность этого тока-элеватора — тридцать тонн зерна в час. Появилась возможность высвободить сто колхозников, которые раньше были заняты на кустарных токах. Теперь они занялись уборкой и сгносованием кукурузы и других культур. Надо сказать, что по сравнению с прошлыми годами колхоз в пять раз увеличил посевы кукурузы!

С приходом нового председателя были механизированы животноводческие фермы, построены подвешенная дорога и другие

Егорлыкская машинно-тракторная станция, обслуживающая колхоз имени Андреева, оснащена передовой техникой. Все трудоемкие работы в артели механизированы. Для борьбы с сельскохозяйственными вредителями широко применяется авиация. На снимке: председатель колхоза Лавров и директор МТС Афанасьев беседуют с пилотом.

приспособления. На фермы пришло много молодежи, которая внесла в дело живой комсомольский задор. Тамара Пруглова, Нина Девяйга, Венера Ермоленко и Валентина Стороженко недавно

вани доярки. Егорлыкский райком комсомола недавно вручил грамоты за хорошую работу. Колхозники сельхозартели имени Андреева живут в благоустроенных домах. Артель имеет семь

миллион рублей. Для начала неплохо. Однако колхозный вождь мечтает о большем: к 1958 году удвоить валовый сбор зерна, увеличить в семь раз производство молока и в пять раз — свинины.

И Лавров и колхозники верят, что их планы дальнейшего подъема хозяйства будут выполнены.

Г. ТЯГЛЕНКО

Станица Кутюговская, Ростовской области.

Молодой председатель колхоза Николай Семенович Лавров часто советуется с опытными хлеборобами, мастерами высочайших урожаев. Есть чему поучиться у этих труженников, много лет проработавших на полях родного колхоза. На снимке: Николай Семенович беседует об артельных делах с 80-летним колхозником Фролом Севастьяновичем Жидковичем.

окончили среднюю школу и теперь работают на молочно-товарной ферме доярками. Только за восемь месяцев они наделили по 1500 литров молока и держат первенство в областной соревно-

вадую, библиотеку, родильный дом.

Год работы нового председателя — небольшой срок. Но за это время денежный доход колхоза увеличился более чем на

Заночник трудовой день. В доме его уже давно спит, а Николай Семенович — заочник областной школы руководящих колхозных кадров — сидит за книгой. Ему надо готовить и зачетам.

СЛОН МАХАРАДЖИ

Рассказ

Рисунки А. Ливанова.

Давным-давно, когда махараджи действительно были махараджами, а не только изображением на рекламных плакатах пассажирских авиалиний, их могущество определялось количеством слонов. Для тех жественных слонов, жен в гаремах и слонов в слоновниках. Согласно этой мере, раджа Сурьякумар Чандракумар Виджайсингх Шумшерджун из Чампампура не относился к первому десятку или даже к первой соте именитых махараджей. Его владения (площадью 1 704 квадратных миль с населением 274 589 человек), затерявшиеся где-то на голом плато в Центральной Индии, представляли собой не более, как обычное помещичье имение. Но, несмотря на это, отношения Сурьякумара к британскому правительству определялись условиями договора, который рождала Нарсингхаро Висмсингх Араджсингх, прадед нынешнего владыки, лично заключил с вице-королем лордом Каннингем.

Однако следует заметить, что по свидетельству старинных летописей, Чампампура во всегда был таким махаражским, несомненным имением. Было время, когда махараджа Чампампура правил почти всей провинцией Раджпутана, известной теперь под названием Центральной провинции. Но пристрастие махараджи к вину и к женщинам, особенно к танцовщицам с бубенчиками на ножных браслетах, издававшим мелодичное бречанье «чам-чам» (отсюда — название Чампампура), привело к доблестный род этого владыки к полному разорению.

Поместия махараджи отторгались по частым энергичным и жадным владычества соседних владык. Кроме того, огромный кусок он сам великодушно отдал англичанам за то, чтобы британские войска в нужную минуту защищали его княжество от нападений вероломных соседей.

И так продолжалось до 1945 года. К этому времени у махараджи Чампампура осталось всего две ракетницы, семь жен и один слон. А когда по давнему общественному мнению вице-король приказал

еще больше урезать расходы на личные нужды князю, махараджа оказался не в состоянии содержать даже такой малочисленный гарем и слоновник. Он решил по-прежнему затянуть свой кошелёк женой, поставив на главный шаг всех жен, кроме самой младшей, которая, разумеется, была самой любимой, и велел скрыть их расходы. Сообщив им, будто столу княжества наводило непокойности по причине нехватки необходимо положить на хранение в княжескую сокровищницу, махараджа отбоялся у жен утайки. Сделал он это для того, чтобы вынуть из украшений драгоценные камни и жемчужины, которые в Бомбей, а затем переплавить и продать менялам в Дели.

Думая, на чем бы еще сэкономить, махараджа вспомнил о старой слонихе Лакшми, одиноко стоявшей в огромном слоновнике, выстроенном когда-то с расчетом на двенадцать животных.

Управляющий хозяйством махараджи подсчитал, что содержание слонихи, включая пищу слона и жавалов, в деньщика, обходится в месяц не менее 350 рупий, то есть более 4 тысяч в год. Для махараджи, который впервые в своей жизни стал экономить, это показалось извинимым расточительством. В конце концов, слониха не естца на слоние, даже во время торжественных процессов. Сама мысль — сидеть, скрестив ноги, в неудобном седле под позолоченным балахоном, в то время, когда и твои усатый чаловняк и собственные накардов и даймеров, — сама эта мысль казалась ему нелепой. Поэтому он решил отдаться от старой Лакшми.

Но как это сделать так, чтобы не уронить репутации влиятельности в глазах общества и не дать людям повод думать, что у него нет средств на содержание слонихи? Нужны были дипломатическая осторожность и королевская тонкость... Как раз в этот момент, когда он обдумывал, как лучше поступить, ему доложили о приходе резидента сэра Джона Роллингстона, который в подражание английским лордам произносил свои фамилии «Роллингстон-де-Уэст-махаджана и попарка старую Лакшми».

Сэр Джон был старшим чиновником политического департамента, дослужившимся до этой должности из младших чиновников. Сын индусского торговца, он с трудом окончил колледж, где усердно зубрил латынь и древнюю историю, чтобы попасть на государственную гражданскую службу в Индию. Двадцать пять лет прослужил он в разных вредных для здоровья малярных местах, прежде чем его приняли в политический департамент; ему довелось быть и судьей и сборщиком налогов. Он, проводивший почти все холостяцкий досуг на чтении Библии и Итс-Брауна и не раз испытывавший горечь своего «низкого» происхождения, восхитился всем, что составляло, по его мнению, рыцарский этикет и отборный английский язык старых индийских княжеств. Этот романтик жаждал сохранить прежнее великоименное княжеских дворов, хотя ему лично было предназначено заниматься такими прозаическими делами, как ведение судебных процессов и улаживание ирригационной системы за счет обнищавшего крестьянства. Не удивительно поэтому, что Роллингстону пользовалась любовью и уважением князьков, в особенности махараджи Чампампура.

Вполне естественно, что он должен был принять подарок от махараджи хотя бы в знак признания своих заслуг. А какой еще подарок мог быть дороже сэру Роллингстону с его романтической душой, чем прекрасный слон? Ведь в нем он видел олицетворение великолепия, баски и рыцарства, которые всегда связывала со своей миссией княжеских владений Индии. Роллингстону был весьма растороп, когда слон и погонщик появились во дворе его дома, чтобы обосноваться на новом месте. Казалось, это было венцом всей карьеры резидента в Индии.

Но сэр Джон Роллингстону не представляла себя всех трудностей, связанных с содержанием слона. Его сбережения быстро ушли на сооружение просторного помеще-

ния для слона. Великокопное животное обдавало не менее великолепным аппетитом, и вскоре значительная часть резидентского жалования стаала уходить на покупку сахарного тростника и других дорогостоящих продуктов.

Это омрачало чувствительную душу сэра Джона Роллингстона, который считал себя наследником кипайнговских традиций. Но с чисто британским упрямством он оставался верен Лакшми, хотя именно из-за слона он вынужден был отказаться от летнего отпуска в горах и принести другие подобные жертвы, на которые он шел сознательно в целях экономии.

По вечерам направлялся в помещенье, которое он с гордостью называл «своим слоновником», сэр Роллингстону испытывала огромное удовольствие. Поглядывая на слониху, он вылетел в отставку и вместе с собой в Англию Лакшми! Одно присутствие слонихи придает его скромному домику в Саннинггейле ни с чем не сравнимое очарование. Он сможет сказать своим завистливым соседям:

— Вот старая Лакшми, чудесная слониха. Мой друг махараджа Чампампура подарил ее мне.

У него складко заморало сердце, когда он представлял себе вытнутые от удивления лица завистников, которым ни разу не пришлось побывать в сказочных и экзотических странах, на востоке от Суатца.

Но когда пришла время выйти в отставку и покинуть Индию, сэр Роллингстону с ужасом узнал, что перевозка его чудесного слона в Англию будет стоить колоссальных денег. Найдется на финансовую помощь политического департамента в Новом Дели не приходилось, так как к этому времени люди в шапках Ганди убедили английское правительство передать им управление Индией. Сэру Джону Роллингстону (которого молодые индийские чиновники теперь грубо называли Роллингстон¹, намекая на конец его карьеры) казалось, что с утерей самой крупной жемчужины в британской короне наступила конец света.

С тяжёлым сердцем простился Роллингстун с Лакшми. Официальным докумен-

¹ Роллингстун — индийский шамень (англ.).

том он подарил свою слониху Ганга Раму — старому наследственному погонщику, который не меньше, чем сам резидент, был смущен новыми событиями в стране.

Повторив семь раз слова приветствия и отнесив множество низких поклонов, благодарный Ганга Рам принял подарок. Но вскоре бедному погонщику пришлось усомниться в счастье, которое свалилось на него в тот момент, когда великолепная слониха стала его личной собственностью. Ему приказали убраться со своей слонихой — по распоряжению новых властей в бывшем доме резидента и дворовых построек должна была разместиться школа. Погонщик обошел все конторы с жалобой, написанной за две рупии профессиональным писцом, но, нигде не встретив сочувствия, шел на шею старой Лакими и, селся ударяя слониху алкушем¹, направился в родную деревню.

Его появление было озаменовано шумным восторгом деревенских детворы. Однако жена погонщика, презво смотрящая на него, встретив его бранью и убедительно доказав, в какое тяжелое положение он попал, приняв этот подарок. Ведь их жалкий клочок земли едва мог прокормить семью, не говоря уже о слоне.

Отдай слона в храм в подарок богине, — посоветовала погонщику старая жена деревни.

И Ганга Рам, за три дня потративший на проком слонихе все свои производственные ресурсы, охотно последовал совету земляка.

Варабанным боем и игрой на раковинах, молитвами и пением гимнов встретили слона жрецы и браманы храма. Их несказанно обрадовав, подарок, подтверждавший — по крайней мере они так думали, — что вера в народе еще крепка, если такой бедняк, как Ганга Рам, мог принести храму столь драгоценный дар.

Чтобы достойно отразивать это событие, на спину слонихи поместили изобразя богини и торжественной процессией двинулись по окрестным деревням.

Но вскоре и жрецы не выдержали необычайного аппетита слона махараджи. С тех

пор, как школа стала отвлекать простодушных крестьян от храма, — по крайней мере так думали жрецы — доходы их от пожертвований и подношений сильно сократились, и слои бы жрецы стали корчить слона, то им самим нечего было бы есть.

— Пусть уж лучше животное голодает! — вскричала нетерпеливый жрец. — Если мы и дальше будем держать слона, то все переложим с голоду.

Но главный жрец посоветовал ему быть поосторожнее.

— Не забывайте, — сказал он, — что слон подарен богине. Мы не можем допустить, чтоб он голодал. Более того, слон есть священное существо, олицетворяющее нашего божественного Ганеши, у которого тоже была голова слона. Нас, того и гляди, покарат боги, если мы будем плохо обращаться с этим благородным животным.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы кормили этого драгоценного слона, а сами голодали? — заметила кто-то из жрецов.

— Нет, — спокойно продолжала главный жрец, — я только хочу, чтобы это божественное животное было подарено нации. Пусть оно служит народу, и пусть народ служит ему. Это спасет нас от голода.

И случилось так, что в знаменательный день 15 августа² старую Лакими натерли сандаловым маслом, раскрасили киньярью и повели к конторе местного управления общественных работ, где она и была подарена народу.

Теперь старую слониху можно видеть в некоторых ничем не примечательных уголках нашей страны. Она занята обыденной работой: переносит тяжелые ками или таскает гигантские катки для выравнивания дорог.

Некоторым людям, вроде сэра Джона Роллингстоуна, удела этого слона, принадлежавшего некогда махараджу, может показаться печальным. Но есть и такие люди, которые думают иначе. К их числу относится и погонщик Ганга Рам, которого снова наняли смотреть за слонихой. Говорят, что у старой Лакими за всю ее долгую жизнь не было такого счастливого вида, как сейчас.

Перевела Л. МОРОШИНА.

¹ 15 августа 1947 года — день независимости Индии.

¹ Алкуш — острый топорик, применяемый погонщиками слонов.

И. КАЙНАР

ДИТА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Школьник, маленький школьник атлас открыл большой-пробольшой. Маленьким пальцем по карте водит осторожно! — Как нарисовано все хорошо!

В краске зеленой низины кажутся полем ребенку. Горы — тнедых жеребят табуны иль буренок стада. Что обозначено жмалкой синей и тонкой? Вспомни: не сияла ль в речках вода?

Мы среди карт скоро будем, как дома. Атлас и глобус уже нам знаком.

С белыми шапками горн нине, значит, вершины у них ледяные. Взлесть бы туда и открытку отправить с горной вершины домамним на память.

Вот он, простор океана, карты ему не хватает. Какая голубзница! Здесь плавут пароходы. На мостиках капитаны дам из грубок тускают, когда из треплет волна... Все острова на месте. Вот он, фиорд! Вот мыс и узкий пролив за ним... Ну, а все это вместе зовется шаром земным!

Вертится он и вращается много дней и ночей. На нем городок помещается, как муку на клычке. — Сюда я поехал бы и туда! — Пальчик указывает города с детским нетерпением. — Постой, да разве он твой, весь свет? Малыш отвечает: — А разве нет? — и глядит с удивлением.

Перевел с чешского П. ЖЕЛЕЗНОВ.

Магомед-Расул ИБРАГИМОВ

ВЕЧЕР

Серебрились снеговые дали, Отражались яблони в реке. Мы с тобой Пушкина читали На родном, даргинском языке.

Догораа закят над горным спуском, Свезда подирираи небеса. Мне с акантом мелдеино на русском Ты поют читалаа Цадаа.

Слаушаи, притихнув, цепи гор Двух родных поэтов разговор.

МОЛОДЫЕ СИЛЫ БАЛЕТА

Фото Э. Лесова и
В. Тимковской.

Когда смотришь балет Ленинградского театра имени С. М. Кирова, кажется, будто величие и строгость самого города нашли отражение в стиле и мастерстве исполнителей. Коллектив театра бережно хранит и творчески развивает традиции русского классического труппа, созданные прославленными мастерами хореографического искусства. Еще Пушкин воспева «душой исполненный полет» А. Истомина — одной из замечательниц классической школы русского балета, школы, давшей стране таких всемирно известных артистов, как Е. Соловьева, А. Павлова, Т. Карсавина. Все они получили художественное воспитание в Ленинградском хореографическом училище. В последующие годы из стен этого

старшего учебного заведения вышли такие мастера советского балета, как М. Семенов, Г. Уланова, Н. Дудинская, А. Шелест, В. Чамурина, Л. Лавровская, А. Ермолова и другие.

Творчество выпускников училища показывает, что они умело используют богатый опыт артистов старшего поколения. В минувшем театральном сезоне ленинградцы познакомилась со многими новыми именами.

Комсомолка Нина Тимковская особенно исполнила двадцать лет. Всего два года она выступает на сцене. Но молодая балерина уже достигла многого. Каждый жест, каждое движение этой талантливой балерины отличается грациозной пластичностью, пластичностью.

Н. Курпаткина в роли Параси в балете Р. Глиера «Медный всадник».

Танец из балета «Ганза» А. Хачатуряна в исполнении Г. Кенишевой и Ю. Умрихина.

Особенно широко расцвело дарование молодой балерины в шедере русской хореографии — балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро». В ролях Одетты и Одиллии она поразила зрителей замечательным искусством перевоплощения.

По-другому сложился сценический путь комсомолки Аллы Осипенко. Четыре года назад она ослепнула и была признана в театре имени С. М. Кирова. Ее первое выступление в роли феи Сирени в балете П. И. Чайковского «Спящая красавица» прошло успешно. Но после второго спектакля несчастный случай на три года вывел артистку из строя: вкосячили ушиблись на улице, она повредила ногу. Врачи сказали: «Профессию надо менять. Тынешь внаи пелья».

Алла не могла примириться с этим. В течение двух лет по несколько часов в день она тренировала ногу на специальном станке, стараясь увеличить подвижность ступни. И вот весной прошлого года она снова вышла на сцену. Молодая балерина выступила в нескольких ведущих партиях феи в «Спящей красавице», Марии в «Бахчисарайском фонтане», Одетты и Одиллии в «Лебедином озере», Нини в «Баддерне». В этих ролях Осипенко показала богатую танцевальную пластику.

Комсомолка Нинель Курпаткина работает в театре шесть лет. Творчество молодой талантливой полу-

чило высокое признание не только у нас, но и за рубежом. В 1953 году ее выступление на Международном фестивале в Бухаресте было отмечено золотой медалью первой степени.

Молодые артисты театра постоянно ищут и находят новое, родят артистическую многогранность своего таланта. Вот, например, комсомолка Галина Вешенца. Как обязательна она в роли Красной шапочки! Сколько веселья и задора в созданном ею образе Пути в балете «Ганза! Но артистка не удовлетворилась этими партиями и после большой работы выступила в драматической роли Таш-Хоа в балете «Ирландский маор».

Заслуженной любовью у зрителей пользуются молодые артистки Ольга Заботкина и Татьяна Легат.

Художественный руководитель балета Федор Васильевич Долухов, который уделяет много внимания театральному молодому, рассказывает:

— Подвела я работу в этом театре. Видел немало прекрасных спектаклей, встречал большие дарования, но никогда, кажется, театр не имел такого крепкого коллектива, такой разносторонней и талантливой смены, как сейчас. Смело можно сказать: будущее советского балета в надежных руках!

Леонид ЛУБАН

Молодые артисты балета Н. Александрова и К. Денисов на занятиях в репетиционном зале.

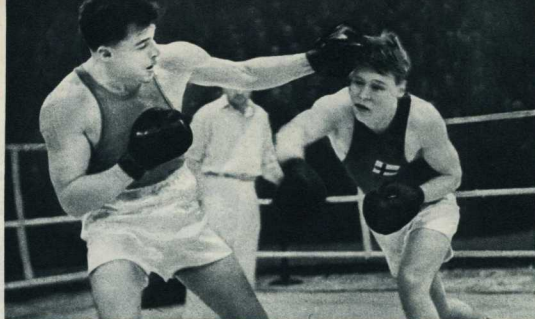
Солстка Ленинградского театра оперы и Балета имени С. М. Кирова танцовщица Инна Тимофеева в роли Оджилли в балете «Победное озеро» П. И. Чайковского.

ЧЕМПИОН ЕВРОПЫ

Н. ФОМИЧЕВ

Финский боксер Лингвус бросился вперед, но Геннадий Шатов внезапным ударом отбросил его...
Фото А. Вурдмана.

Стараясь не думать о предстоящем бое, Геннадий Шатов отдыхал в номере западноберлинского отеля «Казинго». Ему предстояла официальная встреча в розыгрыше первенства Европы. Противником Геннадия оказался опытный шведский боксер Стиг Шелли. Швед однажды уже завоевывал почетное звание чемпиона Европы. На его спортивном счету 280 побед — второе больше, чем у Шаткова...

С вечера Вайне, плескавшегося под окнами отеля, в комнату ворвался ветер. Геннадий вспоминал родной Ленинград. Неню и, конечно, друзей. Впрочем, друзья у молодого боксера есть не только в Ленинграде. Сегодня утром ему вручили телеграммы из Киева от спортсменов, с которыми Геннадий познакомился прошлым летом в Будапеште на Всемирных студенческих играх.

Помнится, они вместе были на встрече советских и болгарских боксеров. Одна из девушек, узнав, что он боксер, сказала:

— Мне бокс не нравится.

— А потом неожиданно спросил:

— Вы сегодня выступаете?

— Нет. Я уже провела финальную встречу. Шатов удивился, что, когда полтора часа назад он выиграл золотую медаль и звание чемпиона мира по боксу во втором среднем весе среди студентов.

Девушки попросили Геннадия рассказать о своем спортивном пути, об учебе, тренировках...

— Что можно рассказать о себе в двадцать один год? Боксер он, конечно, не потовенный. Отец его, доцент Ленинградского инженерно-строительного института, из всех видов спорта занимается только рыбной ловлей. Мама была твердо убеждена, что бокс существует для того угодно, только не для ее сыночек. Словом, сначала приходилось заниматься тайком.

Первый бой Шаткова, который проходил семь лет назад в спортзале Дворца пионеров имени А. А. Жданова, закончился поражением. Глядя на огорченного повячка, тренер, мастер спорта Иван Павлович Осипов, сказал:

— Все известные боксеры с этого начинали. Только через поражение и узнаешь, есть ли у тебя сила воли и желание стать настоящим бойцом...

Через семь Геннадий снова пришел на тренировку. Ему страстно хотелось овладеть боксом — спортом смелых, волевых, сильных и выносливых людей.

Шли месяцы. Геннадий окреп, прибавился не только к боксу, но и в легкой атлетике, лыжах, коньках, волейболу, баскетболу. Регулярные тренировки сделали его выносливым, привили вкус к спортивной борьбе. Через полтора года пришел первый большой успех: Геннадий стал чемпионом города среди юношей. А еще через год он решился сделать сюрприз родителям: принес им приглашенные билеты на розыгрыш первенства Ленинграда по боксу. Никто из родных, конечно, не пошел смотреть, как будут «сшибать» их мальчишка. Но когда он принес домой синюю майку чемпиона, бокс ими, кажется, был признан.

В июне 1951 года Геннадий Шатов получил аттестат зрелости. Он решил поступить на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Преподаватель приемной комиссии посмотрел на значок первого спортивного разряда.

— Старый знакомый,— приветливо проговорил он.— Юристом решил стать Поповаляков Юристю, как и боксеру, необходимо выносить мнение, быстрая реакция, умение ругать за замыслы противника, раскрыть его тактику...

Отлично слав приемные экзамена Геннадий Шатов поступил на первый курс. Учился в университете, он не забывал о тренировках. Теперь он чувствовал сам, что прежних противников побеждает без особых усилий.

Вскоре Геннадий выступил на первенстве страны. Были успехи, случались и неудачи у молодого боксера. Однако его спортивное мастерство неуклонно росло. И вот наконец Геннадия Шаткова послан в составе нашей делегации в Будапешт на Всемирные студенческие игры.

Размышления Шаткова прервал тренер: — Пора, Геннадий.

Да, нужно было собираться в спортивный зал «Шпортпаласт», где вот уже девять дней шли бои европейского чемпионата 1952 года.

Нелегко было и Шаткова путь к финалу. Взяв хотя бы первый бой с англичанином Уолном, который недавно победил американского боксера — обладателя звания «Золотые перчатки» Дэвидом, суколий англичанин, пользуясь превосходством в росте, начал атаковать Шаткова прямыми ударами левой. Отбив первый натиск, Геннадий сумел навязать противнику свою тактику боя. И стоило англичанину на секунду открыться, как следом же он оказывался на полу, сбитый молниеносным ударом советского боксера. Во втором раунде картина повторялась. Англичанин, боясь, что бокс ему не выиграть, стал бегать по рингу.

Следующий бой Шатков провел с опытным польским боксером Юрковским. Эта встреча тоже закончилась победой советского боксера. И, наконец, полуфинальная встреча с чемпионом Европы 1953 года Литриком Вемпешером (Западная Германия). Немцы зорко зашищались, отвечая сильными, точными ударами. Это была схватка равных. Только большой активностью, умением распределять свои силы привнес Шаткову успех...

Все это промелькнуло в памяти, пока машина наприбиралась по берлинским улицам к «Шпортпаласту». У трехэтажного здания с колоннами советские боксеры вышли из машины. И сейчас же вспыхнули лампы фоторепортеров, дежуривших у входа в спортивный зал. Здесь же толпились продавцы маленьких боксерских перчаток, которые были выпущены специально к европейскому первенству одним предприимчивым фабрикантом. Впрочем, продавцы встали — и в фойе и в зале. Они навскидку предлагали программы, газеты, сигареты и, конечно, кока-колу.

Решающие встречи сложились неудачно для советских боксеров. Половина советской команды — пять человек — вышла в финал. Это было больше, чем от любой другой страны. Но троє уже проиграли бой, завоевав лишь серебряные медали. В лучшем весе Борис Степанов проиграл чемпиону Европы 1953 года Зену Стэфаняну. Англичанин Никольсу сумел превратить победу над советским полудетомсом Александром Закуляевым. Потом проиграл Карлос Джанерия,

уступив победу отличному польскому боксеру Петшиковскому...

— Ну, Геня, надежда на тебе! — сказал тренер, слегка подтолкнув Шаткова к рингу.

Геннадий понимал всю ответственность положения. Сейчас шла речь не только о его личной победе. Он должен был доказать, что советский бокс не так уж слаб, как многие склонны думать, особенно сейчас, после нескольких неудач. Кому, как не ему, капитану советской команды, вносимому в этот зал красное полотнище флага своей страны, нужно было это сделать! Он знал, что должен боксировать так уверенно, чтобы у судей не было ни малейшей возможности придраться и отдать победу противнику.

Шатов поглядывал на ринг, посмотрел в зал. Он никого не видел, только чувствовал на себе взгляды тысяч глаз, индюшек враждебных, иногда насмешливых или равнодушных. В таких условиях трудно выиграть. Но он должен победить!

А вот и противник — рослый, хорошо сложенный Стиг Шелли. Легко нырнул под канаты, швед улыбнулся Шаткову. Судья подловил соперника на середине ринга, осмотрел их перчатки. Затем они разошлись, чтобы через несколько секунд встретиться вновь, а на этот раз для боя.

Гонг Шатков стремительно двинулся вперед. Видя разведку левой рукой, Геннадий делал неожиданные удары. Швед остерегся правой рукой и забыл о том, что у Шаткова обе руки одинаково результативны. Своєю оплошностью Шелли понял тогда, когда, пропустив удар левой, робовал в юбку.

Путь чет «8» швед с трудом подлезал и едва достигал до конца раунда. Казалось, Шелли был сложен. Но мимолетного нервного оказания достаточно, чтобы он восстановил свои силы. Швед даже пытался атаковать. Но теперь Шатков пнул в лодь правую руку, и противнику снова ничего не оставалось делать, как зашищаться.

Гонг. Как быстро пролетели три раунда! Что-то скажут судьи? Шатов возмозвал, хотя и чувствовал, что выиграл бой. Но ведь бывает всякое...

Вспыхнули лампочки. Судьи единогласно отдали победу Геннадию Шаткову. Шелли пошел ему руку. Звучат фанфары, и на шпале в углу ринга меланхо и волнительно взмывает вверх государственный флаг Советского Союза. Президент Международной любительской ассоциации бокса (АИБА) француз Эмиль Гресо вручил Геннадию Шаткову золотой пояс чемпиона Европы.

В этот вечер еще раз прозвучали фанфары в честь советских боксеров. Альфред Шонка стал чемпионом Европы в тяжелом весе. Трудное испытание позади. Геннадий Шатов вышел из него с честью. Теперь скорее домой в Ленинград. Там предстояло еще одно испытание — на этот раз в учебных аудиториях университета.

На стадионе «Гигант»

Фото А. Уляйна.

Спортивное лето в разгаре. На сельских стадионах и спортивных площадках, построенных молодежно, тренируются легкоатлеты, волейболисты, гимнасты, футболисты.

В сельских колхозниках выросло немало мастеров спорта, добившихся выдающихся результатов. Кто не знает Ардадона Игнатьевича Молодой спортсмен начал свой путь на сельском стадионе. Сейчас он один из сильнейших бегунов мира, чемпион Европы.

Вместе со всеми советскими спортсменами сельская молодежь активно готовится и предстоящей спартакиаде народов СССР.

Интересная жизнь у спортивного колхозника известного всей стране совхоза «Гигант». Заглянем на недавно построенный здесь стадион.

На дорожке бегуны. Инструктор Александр Афанасьевич Семин внимательно следит за каждым движением своих питомцев.

Руны! Энергичнее работайте руками! — кричит он Павлу Моисееву.

Этот молодой легкоатлет добился хороших успехов не только в беге, но и в метании копья.

В совхозе есть несколько футбольных команд. Особенно славится сборная команда, которую возглавляет фрезеровщик Винтор Сергеев. Футболисты успешно выступают в розыгрыше областного первенства общества «Ирландия».

Вот сейчас механизатор Василий Ушаков, играющий вратарем, умело взял трудный мяч. По всему видно, что из него получится отличный футболист.

Не так давно в баскетбол играли преимущественно в горде. Теперь эта увлекательная игра все шире распространяется и на селе. В совхозе «Гигант» организованы две баскетбольные команды.

Кто знает, быть может, игроки этой пятёрки, штурмующей верховную корзину, в недалеком будущем осянут среди победителей спартакиады народов СССР!

На беговой дорожке стадиона совхоза «Гигант».

Василий Ушаков берет трудный мяч.

Призвание

Щелкая костяшками счетов, Тамара не раз думала о том, что ее желание, наверное, не суждено осуществиться. Отец как-то сказал ей:

— Будешь бухгалтером. Тоже нашла артисткой. Выкинь эту дурь из головы.

Но девушка не могла отказаться от заветной мечты — учиться музыке, пению. В Верхингородке, родном селе Тамары, любят песни. Природа здесь радкой красоты. Голоса вокруг — и песня сама рвется из груди.

На школьных вечерах, на концертах для колхозников Тамара часто запевала свои любимые песни. Тамара адекватно, и вряд ли кто подозревает, что, кроме пения, девушку влечет еще игра на бандуре. Вот окончила семилетка. Тамара начала работать счетоводом. Впереди, как сказала отец, ее ждали бухгалтерские курсы. Но девушка решила по-своему.

Как-то вечером, после работы, она по душам поговорила с матерью. Долго давалась ей беседа. И хоть тяжело расставаясь с дочкой, все же мать поняла, что будет Тамаре счастья, если она останется дома. Не стал больше возражать и отец. Вскоре Тамара Полинчик поступила в Киевское музыкальное училище.

Мечта девушки сбылась: она училась петь и в то же время занималась по классу бандуры. В Киеве у Тамары появились новые друзья. Особенно подружился она с Николем Давыдовым и Владимиром Гурьевичем, которые тоже пришли из села и учились играть на бандуре.

Руководил занятиями девушек Владимир Андреевич Кабачок — большой знаток народного искусства. Чуть ли не с детства подкаказало ему, что подруги нужно привлечь к совместной работе. У них было на редкость удачное сочетание голосов: у Тамары — тенцо-сопрано, а у Нины и Вали — сопрано. Владимир Андреевич решил создать трио бандуристок.

Вначале подругам все было в новинку. Сначала даже не верилось, что удастся одолеть сольфеджио, гармонии, аранжировку, научиться читать партитуры, свободно владеть голосом.

Но подруги не опустили рук перед трудностями. Эти робкие на вид девушки были неутомимы в труде. Нередко на помощь приходила Владимир Андреевич, подбадривая, утешая, советовав. И все увереннее звучали голоса, все ловчее перебирали пальцы звонкие струны бандуры.

Шло время. Замыслила певица золотых в жизни, трио сложилось. Настал день, когда подруги впервые выступили на сцене. Это был концерт для рабочих ремонтно-строительной конторы. Зрителям пришли прямо с работы, запоздавшие, уставшие. Юные бандуристки чувствовали себя, как на экзамене. Как-то оценят их работу? Но едва смолкли звуки бандуры, в зале горнично зашумели. После этого шефские концерты стали проводиться все чаще и чаще.

Четыре года учебы в музыкальном училище пролетели быстро. Руководители республиканской эстрады приглашали бандуристок на постоянную работу. Но девушки решили поступить в консерваторию. Их отговаривали, уверяли, что они уже настоящие артистки, что, мол, дальше учиться им не обязательно. Подруги твердо стояли на своем. Успех на сцене не искушил им голову. Успешно сдав приемные экзамены, они поступили на отделение народных инструментов оркестрового факультета, в класс своего старого учителя Владимира Андреевича Кабачка.

Вот уже успешно завершил второй год занятий в консерватории. У девушек особенно радостное настроение. И это понятно: ведь остался сделанный на лето экзамен, а впереди — выступления на Всесоюзном фестивале молодежи и студентов в Варшаве.

Г. Клеин

Г. Рудь

ПХЕНЬЯН

Поэма

1
Ты подобен мочугему
кораблю, что уходит в далекий туман.
Город мой!
Я люблю тебя, очень люблю,
мой ни с чем не сравнимый
Пхеньян.

Над тобою
три года огонь бушевал
и гремел, разрываясь, металл.
Враг горящими патлатом
тебя заливал,
грудь твою, свое сердце
тераля.

Только ты,
как быльший боец-ветеран,
под синцовым огнем
пролившим
закимал
протогочью вскрывавшихся ран
и всегда поднимался живым.

И всегда
мне казался бессильным злодей,
и оружие его, и войска.

И всегда
мне сердцами сплоченных людей
ты шептал,
что победа близка.

Только ветер да ночь,
только пепел да дым,
только грусть
да дыльные тоски
в тех местах, где учитель наш,
ласковый Ким,
обучал нас у школьной доски.

Ничего не осталось
в том милом краю,
где мой друг «Ариран» напевал,
где впервые
у дома родного
саюо
я подругу поцеловал.

Только прежде,
чем я научился любить,
я влюбленным бродил по лугам;
только прежде,
чем я научился курить,
научился стрелять
по врагам.

Город мой!
Я три года, оружием звеня,
находился в разлуке с тобой.
Я в горах возмужал,
и теперь у меня
появились усы над губой.

Я теперь не заплачу уже
никогда.
Я окреп в справедливой
борьбе.
На погоне моем
золотая звезда.
Вот каким
я вернулся к тебе!

2
Я люблю тебя, город,
перулку твою наряд,
перулку зеленых кольцо.
Ты высиживал нас,
как наседка цыплат,
нас,
вагату твоих сорванцов.

И когда без игрушек, бывало,
босой
день-денской
я с друзьями бродил,—
на реке Тедонган
за песчаной косой
и уют и тепло находил.

Там трещали кузнечики
в сонной траве,
и плачущая ива
порой
проводила
по бритой моей голове
шелковитой зеленой рукой.

Город, город родной мой!
Дворы и сады
умножила злая беда.
Там, где детство мое
оставляло следы,
не осталось теперь и следа.

3
Бушевала война
по Корею по всей,
превращая живущее в прах,
и чиркаля птицы
над гребнем траншеи,
и чиркаля пули в кустах.
И рабочий,
заслышав, как рвется шрапнель,
после смены,

порой сам не свой,
из подвешенного цеха,
накинув шинель,
уходил не на отдых, а в бой.

А в землянке в ту ночь
при огарке свечи,
и на труд
и на подвиг готов,
архитектор прикидывал,
где кирпичи
лягут в новые стены домов.

Шла война: дым без пламени,
чели без весла,
и ранений кричащая боль.
И в июле вдруг —
двадцать седьмого числа —
замолчала вся
а десять ноль-ноль.

К нам победа пришла,
утро Мира в наш край
привела за собою вслед,
потому что
нам братскую руку Китай
протянул —
наш великий сосед.

К нам победа пришла,
потому что весь мир
встал за нас,
чувств своих не тая,
потому что вся армия мира
за мир
вместе с нами сражалась в боях.

4
В этот солнечный,
радостный, праздничный день
люди,
счастья желая стране,
из безбрежных полей,
от всех деревьев
собирались
к пхеньянской стене.

Им навстречу
сиделы чокнанили шаг,
горожанки
с детскими шли;
как бойцы,
поднимались шахтеры из шахт
и зажженные лампы несли.

А в обугленном сквере,
где завалил да жест
завалил газонов траву,
деревца,
что сажали мы в мае,
уже,
не спеша, расправляли листву.

Новой жизни зарю
возвещал барабан.
Радость шла от семьи до семьи.
И душистей цветов
в древнем парке Хебан
пахли свежеей краской
скамынь.

И пропитано
кровью и солнцем насквозь,
багровея сильней и сильней,
знамя нашей Республики
к небу рвалось —
знамя гордых и сильных
людей.

5
Я люблю тебя, город,
в золье и в пыли,
как любил эти годы
в борьбе.
Не напрасно
все честные люди земли
руку помощи тянут к тебе.

Знаю, город,
ты будешь прекрасней стократ,
верю в силу большую твою.
И за это,
строителем ставший солдат,
я люблю тебя, город,
люблю!

Перевел с корейского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

Василий Ардаматский

Василий АРДАМАТСКИЙ

Повесть

(Продолжение. См. №№ 11, 12, 13, 14)

В первые годы Великой Отечественной войны Григорий Окаемов, изменив Родине, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии его прибрала к рукам американская разведка. Окаемов заброшен на территорию СССР. Ему удалось пробраться в город В, где находится функционирующая иностранную разведку научно-исследовательский институт профессора Волнского.

Работники госбезопасности наладят на след диверсанта. В лесу, где приземлился Окаемов, найден парашют. Потанов база врага еще не обнаружена. Майору Потанову поручено выяснить поименом, кем, что диверсант добрался к своей базе, чтобы «сместить конку». Срочно усиливается наблюдение за лесом...

Окаемов не торопился. Он шел медленно и осторожно, прислушиваясь к каждому шагу. Потом шел. Увидел трехстволку оль, зашел и долго лежал, затая дыхание. Убедившись, что ничего нет подозрительного, он полполз к ели, большим охотничьим ножом разрыл землю, взял сверток с рацией и одеждой, парничку, документы, а остальные снова зарыл. Встал и пошел дальше к шоссе.

Идти теперь было труднее: и сверток довольно тяжелый и путь новый, неизведанный; все время необходимо думать о том, чтобы не сбился с нужного направления. Приходилось часто останавливаться, проверять, не отклонился ли в сторону.

Вот он в очередной раз остановился и в то же мгновение услышал хруст слякотной ветки. Этот звук сказал ему все: его преследуют!

Сквозь в каришине паллака двинулся Окаемов, потом дальше, весь обратил в слух.

...За Окаемовым шел Гончаров.

Случилось так. Гончаров пошел по следующему посту за поворотом железной дороги, говорил с дежурившим там сотрудином и по самому краю леса направился назад к станции. Вдур шаг за десяти от него из кустов метнулась черная тень, и затем в лесу послышался шорох. Гончаров уже вынул пистолет, чтобы подать усложный сигнал выстрелом, и тут же передумал: «Возьму сам...»

Гончаров осторожно стаа углубляться в лес. Он теперь все время впереди слышал шорох, и его все сильнее охватывало жгучее ощущение близости врага и радостный трепет от мысли, что он его поймает.

Гончаров решил атаковать врага лишь после того, как тот доставит из тайника свои вещи. Но его планы наружило то, что Окаемов, оставив базу, пошел дальше, а не назад, и пошел очень быстро.

Окаемов лихорадочно обдумывал план действий. Наконец решение принято. Не останавливаясь, он вынул из потайного кармана блокнот бумаги, записав шифры, порвал на мелкие клочки, затем резко повернулся и пошел навстречу своему преследователю.

Гончаров прижался к дереву. Окаемов шел прямо на него.

— Стой! Стреляй! — крикнул Гончаров, совершенно не представляя себе, как он поступит в следующую секунду, и думая только о том, что он обязан взять врага живым.

— Что выигрывает? Кто это орен? В чем дело? — спокойно отозвался Окаемов, продолжая идти на Гончарова.

— Стой! — еще раз крикнул Гончаров, но в это время Окаемов сделал несколько почти бесшумных шагов вперед, и дежуривший там сотрудинок, естественно, не заметил его.

Окаемов пошел дальше опушки в сторону города. Позади возмущался преследующий тул. Окаемов лет в шорох и стел желье. Вдали в лесной чаще выкачилось желтое пятно света, оно становилось все ярче, и наконец из-за поворота вымыли автомобильные фары. Машина всколыхнула остановившаяся, и возле нее замета

лись тени. Окаемов поинял: машину остановил патруль.

Ид, это было так. Дежурный сотрудинок придирчиво осмотрел весь грузовик, заглянул даже в железную бочку, катавшуюся по кузову. Проверив документы шофера, он отпустил машину.

Когда машина подошла ближе, Окаемов, увидев, что шофер в кабине один, быстро вылез на шоссе и поднял руку. Расчет его был смелый и рискованный: если в грузовике окажется некто, он стреляет и снова уходит в бочку. Зато если все сложится благополучно, он получает надежный и быстрый способ добраться до города. Это стоило риска...

— Опять проверка? — сердито крикнул шофер.

Окаемов, не отвечая, пошел к машине, открыл дверь кабины и вообразился на сиденье рядом с шофером.

— Быстро! В город!

— В город можно, — проворчал шофер, включая скорость.

Проехав километра пять, шофер спросил: — Чего шите-то?

— Что надо, то и ищем. Болтай поменьше, лучше былет.

Молча они доехали до города.

— Куда вам?

— К Восточному вокзалу.

5

К трем часам ночи на ноги был поднят весь поселок Лесное.

Потанов переговорил по телефону с тремя соседними районами и потом позвонил в город полковнику Астапову:

— Что произошло, я еще не знаю. Как назад я послал связанно на пост Гончарова, и связанной его не нашел. След уходит в лес.

— Действуйте, быстрее действуйте! — приказал полковник. — Я выежусь.

Собак взяли след довольно скоро, но углубляясь в лес, вела себя все более неуверенно: металась из стороны в сторону, часто кружилась на одном месте. Потанов поинял: очевидно, в лесу два следа. Однако собак все давало и дальше углублялись в чащу леса.

...Павел Гончаров лежал в ямке, как его оставил Окаемов. Потанов, опустившись на колени, приподнял и аккуратно опустил на землю его тяжелую, уже не сгибающуюся руку, приоткрыл веко над стеклянным глазом... Он все еще не хотел поверять, что Гончаров мертв. Растегнул его рубашку, хотел положить сердце и отшнуровать: прямо под левым соском лежали две тупые раны.

К Потанову подошел один из сотрудинок: — Товарищ майор, вот клочки какой-то бумаги.

Осмотрев виходку, Потанов сразу поинял, что это такое, и приказал проявиться тщательный обыск места, где эти клочки были найдены. Потом выясня проводник и доложил, что собаки взяли след, по всей вероятности, он велел к шоссе.

На шоссе уже стояли мишны, примчавшиеся из города и из соседних районов. Увидев полковника Астапова, Потанов подошел к нему и тихо сказал: — Убит Гончаров.

— А он опять ушел... — сухо проинев полковник.

— Товарищ полковник, убит Гончаров, — повторил Потанов, решив, что Астапов его не поинял.

— Я слышала это, Потанов.

Полковник наблюдал за собакой, которая покружила на шоссе, а потом стала рваться обратно в лес, не понимая, что она вышла тот самый след, который привел ее сюда.

— Вещь в вопросе в том, — продолжал Астапов, — куда он пошел: туда? — Он махнул рукой в сторону города. — Или туда?

— Я думаю, после того, что случилось, он не решится идти в город.

— Думаете? Эх, Потанов, Потанов! Вы поиняете, что, поставив малоумного Гончарова на самый ответственный участок наблюдения, вы помогли ему поиграть? — Скавав эти жестокие слова, от которых у Потанова потемнело в глазах, полковник встал и поинял от Потанова, но, сделав несколько шагов, повернулся и затворил быстро и страстно: — Это же азбука: сильный и хитрый враг в минуту опасности идет на охотника, и эта минута

однаково опасна и для зверя и для человека? Некая Гончарова это знала?

— Помолча, полковник стал говорить спокойнее.

— Я почти уверен, что он уже в городе. Пост, дежурный здесь, на шоссе, дождавшись, что ночью прошла только одна машина. Грузовик из автомата Сельхозспаса. Вот что, берите мою машину и молнией в город. Найдите этого грузовик. В четырнадцать ноль-ноль доложите мне результат. Я пока остаюсь здесь...

— Вояла в помещении автобуса Сельхозспаса, Потанов сразу же направился к диспетчеру.

— Ваши машины сегодня ночью работали? Диспетчер, не торопясь, сонным голосом ответил:

— Один Кисляков был в рейсе. В Савелово ездит. Вон его машина, у забора. Он ее чинит.

Потанов подошел к грузовику. Шофер сидел на подножке и уручливо смотрел на лежащих перед ним на газетном листе разорванный карбюратор.

— Что с карбюратором, товарищ Кисляков? — с деловитой вежливостью спросил Потанов. — Вы в Савелово через Черный бор ездите?

— А что? — Шофер поднял глаза на Потанова.

— Вот что, товарищ Кисляков. Я к вам по делу. — Потанов предельно удостоверенно.

— Я уж знаю. Ваши меня еще на шоссе слушали. Только...

— Подождите, товарищ Кисляков. — Потанов сып рядом с ним на подножку грузовика. — У нас есть предположение, что сегодня ночью в районе Черного бора один преступник воспользовался попутной машиной.

У шофера округлились глаза:

— Да что вы? Я вез васшего же человека.

— Как вешного? Кого?

— Документы из мне не показывали. Приказал нести, я и вез.

— Хорошо, хорошо... Опишите, как выглядел этот человек?

Шофер начал рассказывать. Глаз у него оказались выпятив, и с каждой его фразой перед Потановым все ясней возникал облик Оксимова.

— На это похож? — Потанов показал шоферу фотографию.

— Ой! Почти копия!

— Куда вы его отвезли?

— На Восточный вокзал. Прямо к поезду доставлял.

— Он пошел в здание вокзала?

— Еще при мне он подошел носильщика и дал денег на билет.

— Куда?

— Не слышал. Я уже возвращаюсь.

— Куда у него было с собой?

— Сверток. Видеть, тяжелый.

— Спасибо, товарищ Кисляков.

Отыскать на Восточном вокзале носильщика, который покупал Оксимову билет, было не так трудно. И вот Потанов уже знал, что билет был куплен в купированный вагон до города Борка, и что клиент отблудиларю во-сыльщика не шедро, и что в руках у клиента был все тот же тяжелый сверток.

— Он управился, мигом! — резко сказал Потанов, садясь в машину.

Шофер, уже давно привыкший к таким приказам, оглядел площадку и, вопреки всем правилам, пересек ее по диагонали. Регулировщик поднес было на руку свисток, но, увидев номер машины, поскорей перекрыл движение.

Без двадцати два Потанов должен был обоем похвонку Астангову.

— Почему в Борк? Почему в Борк? — не-терпеливо, точно подолгая собственные махсы, повторил полковник. — Так... Поезд еще в пути. В Борке он будет через час сорок минут. Сейчас же свяжитесь с Борском, сообщите приметы Оксимова, пусть тщательно проверит всякие Выхасты посты у вокзала!

— Может, мне вылететь туда самолетом? Я еще успею.

— Не надо. Я не очень верю, что он доедет до Борка.

Полковник в Борке и на все промежуточные станции, Потанов заняв в свой кабинет и усталю присел за стол.

Гончаров убит... Трижды тяжело нести горе

одному, когда не только близким своим о горе том не рассказывал, когда даю полковнику же скажешь, что ты сейчас переживешь. А Лена сразу почувала несладкое. Потанов повзвонил ей, чтобы не ждала его ужинать. Она несколько секунд молчала, а потом спросила:

— У тебя неприятности?

— Ничкинь. Просто очень сложное дело.

— Не расстраивайся, Николай. Ты же знаешь себя. И в тебя знаю. И твои товарищи знают. Ну, в неприятностях не бываю только у тех, кто ничего не делает... А везучесть ты приходишь?

— Не знаю.

Сам том ревизор и коньяка.

Он только начал и кабинет вошел полковник Астангов. Он сел на диван и, не глядя на Потанова, сказал:

— Мы, дорогой, держим сейчас очень серьезный экзамен. Может, самый серьезный за последние годы. И дело у нас идет совсем не так, как в книжках и фильмах на эту тему. Пока поездно происходит с известным преимуществом на стороне диверсанта. И это несмотря на то, что мы его довольно быстро обнаружили. Он совершил немалые тактические ошибки, но и мы в дологу перед ним не остались. Вот Гончаров... Непростительная ошибка!

— Но, может быть, у Гончарова не было возможности связаться с другими людьми и его вынуждают пойти за ним один?

— Я допускаю это, Потанов, хотя думаю, что произошло другое... Но мы с вами для размышления имеем простой факт — убит Гончаров, а Оксимова жива сумел спастись.

Полковник встал и пошел к Потанову.

— Я знаю, он был нашим другом. Я сам любил его... Полковник резко повернулся и прошел к столу. — Садись-ка! Давать тебе раз проситим кош операция... Полковник рез собой чистый лист бумаги, Астангов взял карандаш. — Что у нас появилось новое? Мы нашли остатки его базы. Это заслуга Гончарова. Рашио Оксимова, конечно, забрали. Но кончик вала телефонную трубку и назвали по номеру — Вессолов? Астангов говорит. Предупреждение контрольный радиопункт: сейчас в эфире должен появиться новый позывной. Поизмайсь? Наблюдение вести круглые сутки, докладывать немедленно... Дальше, Потанов. Мы имеем, наконец, несколько ключков бумаги с записью шифра. — Полковник стукнул ладонью по полукруглому креслу. — Видите, какой он хитрый тип! На два слова коньяка, Гончаровым, предусмотрел буквально все, успею даже уличить шифр. Если наши инфравольники по этим ключкам прочтут что-то неловкое, им надо при жизни памятник поставить? Да...

А в Борке я не верю! Не верю, и все. Он же чувствует нас за своей спиной! Чувствует, слышит! И понимает, что ему надо торопиться. А для этого ему нельзя ужезать от объекта так далеко. Нельзя! Вот где логика его притворности! На этот случай создавал, Петь-лов, следующие: за сегодняшний вечер и ночь проверим в городе все вокзалы, гостиницы, бульвары, рестораны, кафе... словом, все места, где он может пригнаться на ночь или хотя бы на часть ночи, чтобы не попался по ушам. Он, мерзавец, не спит, и мы с вами слыть там более не имеем права!

6

Оксимова сошла с поезда на глухом полуклае. Это метелью он знал еще до войны: ездил сюда за строительными материалами.

Все службы полустана помешались в сынтос с колес товарном вагоне. Вальт пувылся черные штабеля приготовленного к погрузке торфа. Сразу же за полустанком началось торфяное болото, заросшее густым ослышком. Оксимова помнил, что километра в трех болото пересекат шоссеная дорога. Именно здесь он и решил разместить свою новую оперативную базу.

Зайдя в чашу кустов, Оксимова присел на стую мшистую колу. Усталость мгновенно сошла его, страшно захотелось спать. Он торопливо съел лентку шоколада, содержащего сильное тонизирующее средство, и почувствовал через несколько минут нарастающее возбуждение, встал и пошел вглубь кустарника, выискивая место для себя.

— Примерно через час на шоссеную дорогу вышел рослый мужчина в темном костю-

ме и брюках навыпуск. Через руку у него был перекинут поношенный плащ. Осмотревшись, он степенно направился к столбу с табличкой, где в ожидании автобуса стояло несколько человек.

— Давно не было автобуса?

— А вот, глядите, идет!

Большой запыленный автобус забрал пассажиров, и, приседав на выбоинах, покатыл к городу.

Оксимова сел на переднее место, положил плащ на колени. «Все идет отлично, — думал он. — Если они снова напали на мой след, то ринулись в Борк, а я уже еду обратно. И поселюсь под самым их носом. Где? Это им и в голову не придет...»

В предвечерний час, когда сумерки уже застилали город, но свет на улицах еще загорался, Оксимова вошел в пятиэтажный гостиницы «Центральная».

— Свободный номер имеется? — обратился он к портье.

— Нет и не будет. Вон, видите? — портье кивнул в сторону темного угла вестибюля, где в креслах дормулы претенденты на номера.

— И ничего надеяться? — улыбаясь, спросил Оксимова.

— Надеяться, надеяться, это ваше право — равнодушно обронил портье и уступая в тошноту регистрационную книгу.

— Но если я смогу надеяться, — тихо сказал Оксимова, — сможете надеяться и вы. Давайте надеяться вместе. А?

— Оставьте ваши документы! — сурово приказал портье.

Оксимова положил на конторку паспорт. Через несколько минут портье открыл паспорт Оксимова: его первую страницу закрывала сложная полами струбцинка. Портье сдвинул ее ровно настолько, чтобы прочитать фамилию владельца паспорта, и крикнул:

— Я Филатов, но броне министерства, здесь?

— Я Филатов, — отозвался Оксимова и снова подошел к конторке.

— Заполните анкетку.

«Филатов, Иван Ильич», год рождения 1910-й, — писал Оксимова, — уроженец города Демидова, Смоленской области. Место работы и должность — агент по снабжению Ярославского шинного завода. Срок пребывания — семь дней...»

Оксимова принял ванну и лег в постель. Шлокало еще действовало, и спать ему не хоте-

лось. «Ну что же, дорогой агент по снабжению, давайте на досуге подведем итог: одним чекпостом стало меньше, но не за тем же сюда ехали. Не за тем! И хотя все идет пока довольно гладко, следует признать, что еще ни на шаг не удалось приблизиться к главной. Правда, первое знакомство с объектом состоялось, но оно оказалось весьма опасным... Что-то, дорогой агент по снабжению, вы делаете не так, как следует. Уж не боитесь ли вы? Вам ведь в первую очередь нужно думать о Волском. Пора идти в атаку! Игру темер можно выиграть только быстротой и точностью действий. Но для этого необходимо знать, что за спиной все спокойно... Да, надо устраивать на работу, легализовать свое существование, и тогда — прощайте, господа чекпосты! Ищите ветра в поле! Так и решаем. А пока немного здесь отлежались: разве не мог агент по снабжению схватить грипп на своей беспоконной работе? За это время вырвется у нас спастельная борозенка. Затем мы вступим в ход документа номер три: шофер второго класса Сергей Михайлович Гудков. Он ищет работу. Точка. Можно спать...»

Когда Окаемов забился чутким, тревожным сном, в гостиницу «Центральная» зашел Потапов. Портье, узнав, с кем имеет дело, вился вялоком, его лисья физиономия вытупилась еще больше.

— Что вы, что вы? — лепетал он. — Уже второй день у нас нет ни одного свободного номера. Видите, как спит люди? Потапов попросил зажечь свет и внимательно осматривал приезжих. Да, Окаемов мог спать спокойно. Его сон оберегал мерзвец с лисьей физиономией...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Агент по снабжению Ярославского шинного завода пробрал целую неделю. Наконец настала ночь, когда он решил впервые выйти погулять.

— Как ваше здорьвочко? — встретил его портье с лисьей физиономией. — О, да вы и борзод у нас обживались.

— Пока являлся, выросла, оканная, — улыбнулся Окаемов. — Вот яду по делам, заодно и поберусь. Можно мне получить свой паспорт? И, пожалуйста, вам еще за три дня. Салаче не надо.

— Благодарю вас. Портье отдал Окаемому паспорт и шепотом добавил: — Я его в прописку не сдавал. В ту ночь, когда вы приехали, мне звонили из милиции: просили номер для их человека, а я сказал, что нет свободных номеров. И ядурт — прописочка. Поинтересует? — Маленькие глаза портье смотрели на Окаемова лукаво и доверительно.

— Мне все равно, — усмехнулся Окаемов. — Вам так удобней? И хорошо. Если меня будут спрашивать, то скажите, что я вернусь часа через два.

Портье проводил Окаемова до дверей, не догадываясь, что своего постояльца он видит последний раз. Впрочем, исчезновение агента по снабжению нимало не смутило портье: он попросту не внес в кассу деньги, оставленные Окаемовым за номер.

Вокруг Окаемова шумело деловое утро большого города. Рассыпая трели звонок, катились переполненные трамваи. На перекрестках, путая торпешную толпу пешеходов, рычали грузовики. Надстройкой величаво разорывалась стрела подъемного крана, и люди с интересом поглядывали, как целая пачка бетонных плит легко взлетала на высокие этажи. Окаемов смотрел на все это не так, как другие. Проходя мимо нового грузовика, он замечал новостройку и прочитал плакат: «Заключим кладку стен к 1 июля!». Окинув воздушные этажи взглядом инженера, он отметил: строители явно торопятся, надо будет выяснить, что это за стройка. Все, что он увидел бы Окаемов, представляло для него интерес только как строчка в будущих донесениях мастеру Барчу.

Но особенное внимание Окаемова в это утро привлекала витрина с объявлениями о найме рабочей силы. Таких объявлений было много, и все они начинались строгим словом «Требуется». Требуется инженеры, техники, рабочие. Требуется переводчики с английского языка. Требуется опытные педагоги... Город требовал, встал к себе работающих, полезных людей.

И вот наконец Окаемов нашел объявление, какое искал: «Театру оперы и балета требуются опытный шофер на грузовую машину «ЗИС-150».

Вскрест Окаемов стоял перед окошком отдела кадров театра: — Я пришел по объявлению. А может, вам нужен механик?

Девушка за окошком сердито посмотрела на Окаемова: — Нам нужен шофер.

— Жаль, — произнес Окаемов, не торопясь уходить.

За окошком к девушке подошел пожилой мужчина: — Вы механик?

— Вообще-то я шофер второго класса, — бурно некая, ответил Окаемов. — Только последнее время работал механиком. Спокойнее это.

— Ну, а если мы договоримся так заключим вас шофером, — месяцца два вы поедете, а потом — у нас должно освобождаться место — переведем вас на должность механика.

— Без обманя?

— Какой может быть обман?

— И общежитие предоставите?

— За этим дело не станет.

...Вечером в загородном общежитии рабочих оперного театра появился новый жилец, шофер Сергей Михайлович Гудков. В общежитии было пусто. Большинство обитателей еще находилось на работе. Бумажку о предоставлении койки Окаемов за отсутствием другого начальства прельзавши председателю санитарно-бытовой комиссии Коле Боркову — ученику портняжничьей мастерской театра. Разбитый паренек посмотрел сначала на бумажку, потом на Окаемова:

— Новый шофер, значит?

— Шофер.

Борков показал Окаемому свободную койку.

— Это будет твое место. Обживайся...

С помощью Коли Боркова Окаемов раздобыл бритву, зеркало, вилочки и задался принаведением в порядок своей борзодки. Коля стоял за его спиной и смотрел, как Окаемов брисял.

— Неужто борзоду не срезаешь? — удивился он.

— Борзоду красит мужичку, — отовался Окаемов.

— Скажешь тоже! — усмехнулся Коля. — Вот у нас в деревне...

— Может, ты займешься каким-нибудь делом, — посоветовал Окаемов.

— Мне на работу к девяти утра, — не понял Коля Борков.

— Шел бы тогда спать, что ли?

— Я раньше одиннадцати не ложусь. Последнее известия прослушаю, тогда — будьте здоровы!

Окаемов замолчал, раздражаясь все больше. Коля Борков не уходил. В это время в дальнем углу барака зашпикала гармоника. Гармонист только начинал осваивать инструмент. Он все время выводил одну ту же музыкальную фразу из песни «Давная закури, товарищ, по одою». Ему никак не удавалось подобрать к этой мелодии басовый аккомпанемент.

— Ок, и наяривает Петя! — восхищено сказал Коля Борков. — В один месяц научился. Его только в праздники гармонью премировали. Хорошо, когда музыка!

— Хорошо, когда хороша! — злобно ответил Окаемов.

— Так он же еще тренируется! — отвался за гармониста Коля Борков. — С него и спрос малый.

— Мог бы тренироваться в другом месте! — Окаемов встал и направился в умывальную комнату.

Умывшись, он быстро разделся и лег в постель. Завтра в восемь часов утра новый шофер должен приступить к работе. Гармонист продолжал наигрывать один и тот же мотив.

2

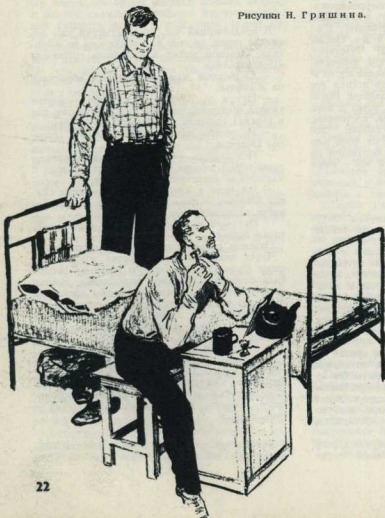
Знание института, которым руководил Волский, Окаемов нашел, проехав на грузовике театра вслед за знакомым ему «ЗИМом» профессора.

День уже клонился к вечеру. Тем от деревень булбуряла перерывная звуцу и начинала молотой полостей подниматься на стену институту. Сотрудник госбезопасности Кудрявцев, который с утра вел наблюдение за поездом института, то и дело поглядывал на часы: скоро его должны были сминуть. Он в течение дня ни на минуту не спускал глаз с подъезда.

Вот пошла женщина с конешкой оставившая у дверей института и долго рассматривала в номер дома. Кудрявцев уже стоял рядом и читал вывешенную на стене газету. Женщина вошла в институт, но тут же вернулась, снова посмотрела на номер дома и, ворча что-то себе под нос, пошла в сторону площади. Кудрявцев идет за женщиной. На ближайшем углу стоит небрежно одетый паренек в саидальных и босу вогу. Кудрявцев останавливается рядом с ним: «Видишь женщину с конешкой? Посмотри». Парень в саидальных идет за женщиной, а Кудрявцев быстро возвращается к институту. Через час к нему подходит парень в саидальных: «Женщина заходила в рабсбесе. Хлопотала насчет пенсии. Она спугнула номер дома и по ошибке зашла в институт».

И снова Кудрявцев маячит возле института... Грузовик, веший театральные декорации, еще на перекрестке начал судорожно дергаться, оглушительно стреляя, явно намереваясь остановиться. Рымакин он проехал пешеходную дорожку и прижался к кромке бульвара напротив института. Кудрявцев тотчас покинул свое место на скамейке среди явлек с летьми и прошел мимо грузовика, выключив мотор, чертыхаясь, открывал капот мотора. Показав регидрующую ось удостоверение, Кудрявцев попросил выяснить, что случилось с грузовиком.

(Продолжение следует)

Рисунки Н. Гринина.

По невидимому следу

Миллионы советских людей самоотверженно трудятся на заводах, полях и стройках. Но встречаются еще в нашей жизни тунеядцы, люди, зарекаемые такими омерзительными пороками прошлого, как пьянство, воровство, хулиганство. Наш народ ведет беспощадную борьбу с этими уродливцами палачами. Большую роль в этой борьбе играет милиция, зорко охраняющая труд и отдых советских людей. Сложная работа органов милиции часто проходит незаметно для окружающих, и, чтобы познакомить читателей с ней, мы расскажем об одном случае.

Произошло это в праздничный вечер. На квартире у гражданки Н. в доме № 12 по Пугачевской улице собрались гости. Они пели, танцевали. Настроение у всех было радостное.

Вдруг один из гостей вышел в прихожую за какой-то вещью, забытой в кармане пальто. Но... вещь оказалась пустой...

Узнав о случившемся, в прихожую выбежала встревоженная хозяйка квартиры, а вслед за ней гости. Они осмотрели входную дверь: замок был в полной исправности. Решив, что все это шутка. Стали искать вещи в коридоре, ванной и за шкафом. Но одежда как в воду канула. Еще раз тщательно обыскали все углы и поилки: в квартире побывали все.

Вскоре в кабинете тов. Мамая — дежурного по Московскому уголовному розыску — звонил телефон.

— Товарищ! — услышала дежурный возопивший голос, — в моей квартире только что пропали вещи!

— Не волнуйтесь, гражданка, сейчас к вам выедет оперативная группа.

Через две-три минуты у спецмашины уже стояли капитан Горшков и оперпроводник Прохоров со служебно-розыскной собакой Диком. Прохоров открыл дверцу автомобиля, а Дик легко прыгнул в кузов.

А тем временем хозяйка квартиры и гости уныло бродили по комнатам, терпясь в догадках: как могла провалиться кража? Наконец раздался долгожданный звонок, и в прихожую вошли работники милиции.

После того как капитан Горшков узнал, в какое время и какие именно вещи были похищены с вешалки, он спросил гражданку Н.:

— Значит, все ваши гости здесь, и никто отсюда не уходил?

— Как будто бы никто, — ответила Н.

Капитан Горшков сказал что-то Прохорову. Тот утвердительно кивнул головой и скомандовал собаке:

— Нюхай! На след!

Дик, до сих пор смиренно лежавший в углу, мгновенно вскочил и, обнюхав вешалку, уткнулся мордой в пол. Затем, немного покружившись, рванулся вперед и устремился к двери. Прохоров, придерживая собаку за поводок, быстрым шагом следовал за ней. Дик уверенно вел его по невидимому следу. Спустившись с лестницы, Дик миновал двор и стал взбираться на гряду камней и старых досок...

Неожиданно дорогу им преградил высокий забор.

— Барьер! — скомандовал проводник.

И вот забор уже позади. В темноте они миновали двор и вышли на улицу. Здесь собака остановилась и начала крутиться на одном месте. Это означало, что след потерян. Прохоров решил перейти на другую сторону улицы, но и там собака долго ничего не могла обнаружить. Несколько минут Дик бегал вдоль тротуара то в одну, то в другую сторону и вдруг свернул под арку одного из домов. Во дворе собака уверенно пошла вперед. За углом, возле мусорных ури, она резко остановилась и зарычала.

— Руки вверх! — крикнул в темноту Прохоров, держа наготове револьвер. Но кругом царил тишина. Никого не было видно. По светил карманным фонариком, Прохоров увидел за одной из ури огромный узел...

Прохоров подошел ближе и вытащил узел. В нем оказались мужские и дамские пальто и шляпки.

Итак, вор спрятал здесь свою добычу. А где же он сам? Уйти далеко не мог — это ясно. Но поблизости немало дворов, чердаков, подвалов и темных закутков, которые могли стать убежищем для него.

— Нюхай! На след! — скомандовал проводник собаке.

Дик снова повел Прохорова, но на этот раз к тому дому, где произошла кража. «Не слугала ли собака след?» — подумал Прохоров, поднимаясь по лестнице. На площадке, где находилась квартира, на которой украл вещи, Дик остановился и вдруг стал царапать лапами соседнюю дверь...

Прохоров нажал кнопку звонка... Когда в коридоре собралась жилая, он попросил их построиться в ряд и предупредил: — Стойте, товарищи, спокойно. Собака никого не тронет.

— Нюхай! — приказал Прохоров Дик, указывая на принесенные с улицы вещи. Спокойно пропустив шестерых жильцов, собака неожиданно бросилась на Петра И. Тот изменился в лице, тисцено пытаясь овладеть собой. Он даже решил приласкать собаку, но Дик злобно зарычал. Прохоров отвел собаку в сторону и попросил жильцов поменяться местами. Дик

данно бросилась на Петра И. Тот изменился в лице, тисцено пытаясь овладеть собой. Он даже решил приласкать собаку, но Дик злобно зарычал. Прохоров отвел собаку в сторону и попросил жильцов поменяться местами. Дик

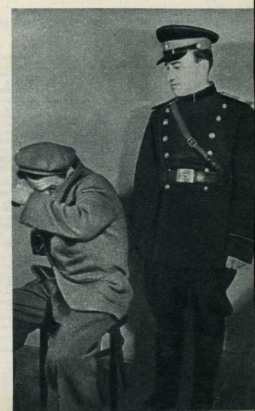
опять обнюхал всех и снова бросился на Петра И.

— Прошу вас отойти и следовать за нами! — повелительным тоном сказал ему капитан Горшков.

В отделении милиции задержанный сознался в том, что похитил вещи.

Текст М. ГОЛОВКО.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(См. №№ 1, 3, 5, 7, 9, 11 и 13 журнала «Смена»)

РЕШЕНИЯ ШУТОЧНЫХ ПОЗИЦИЙ

ОПАСНЫЕ КОНИ

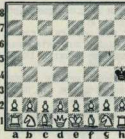
Белые — Кр4д5, Л8б, Сс1, Кс5, Кс2, п. а2.
 Черные — Кр6, Фс1, Л11, Л11, Св8, Сд8, Кс5, Кр7, п. а2, а4, в6, с7, с2, 17, 13, е7, е2. В этой необычной позиции белые дают вечный шах, преследуя короля противника на своей половине по всей доске: 1. Кс4+Кр6 2. Кс5+Кр6 3. Кс4+Кр6 4. Кс3+Кр6 5. Кс2+Кр6 6. Кс7+Кр6 7. Кс8+Кр6 8. Кс7+Кр6 9. Кв8+Кр6 10. Кз7+Кр6 11. Кв8+Кр6 12. Кв5+Кр6 13. Кв4+Кр6 14. Кс1+Кр2 (Если 14. — Кр17, то 15. Кз3+Кр3 16. Кс4+Кр4 17. Кс5+Кр5 18. Кз3+Кр3 и т. д., так как повторяется исходное положение.

МАТ В ПОЛХОДА

Белые — Кр1, Ф4, Лс1, Лс1, Сд5, пп. а4, с2, е2, з3.
 Черные — Кр18, Фз3, Л11, Л12, Кс3, пп. а6, е7, е7, в6. Белые достигают цели, заставляя проигрывать королю половину хода вне сдвела — король пошел с е1 на е2, всталки лишь передвинул ладью с b1 на f1 и дать мат.

ДЕД ЧЕРНЫХ КОРОЛЬ?

Если все фигуры и пешки белых занимают первоначальное положение, то единственным местом на доске, на котором нужно поставить одного черного короля, чтобы можно было объявить ему мат в три хода, будет поле b4.

1. 42—44.
 2. Кр6 3. Фз3 Кр4
 3. Фз3X1: 1. Кр4 2. е4+ Кр4 3. е3X.

ШАГ НАЗАД — ШАГ ВПЕРЕД

В 1-й позиции (белые — Кр11, Л11, С18, Кс4, п. а2, е2, с3, в4), черные — Кр18, Кв3, Кс3, пп. а4, в6, 17, е7, в5) белые берут назад свой последний ход а7 в8,с, которыми они взяли на поле в8 черного слона (b) и играют а7—а8Ф или сX.
 2-я позиция (белые — Кр2, Ф2, Л3, пп. а6, 12, в3; черные — Кс4, Фс7, Л1, С11, С7, Кс4, пп. а6, 17, в8) поучилась после того, как белые сыграли е5 в6, взяв на поле а5 неответственную пешку «на проходе» (b). Вместо

этого белые дают мат ходом Фз2—сX.
 3-ья позиция (белые — Кр1, Фс2, Л4, Кв3, а с3; черные — Кр18, Фс1, Л11, Л11, Св8, Сд8, Кс5, Кр7, п. а2, а4, в6, с7, е7, в6) белые берут назад ход Л1—а2, и матует черного короля посредством длинной рокировки.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Обратный мат в три хода в этой задаче (белые — Кр11, Л11, С18, Кс4; черные — Кр18, Л12, Кс3, п. а6) достигается тонкой комбинацией. Запоминается задушевно-интересный маневр ферзя.
 1. Фс5—с2П
 2. Л8 2. Нс1+ Кр:з+ 3. Фс2+! Л:зX.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ

Разбор этого фантастического положения (белые — Кр4, Л3, Сс1, С11, К14, К16, п. в2; черные — Кр13, Л12, С11, К13, К12, п. в3, с2, 12, в4) вызвал большой интерес участников олимпиады. И действительно, кратчайшим путем заматует черного короля не так то просто.

Король выдвигается в том, чтобы взять белым королем пешку на поле в4 в такой момент, когда слон черных будет находиться на в2, чтобы вынудить его отойти от защиты короля. З3, затем взять его ладью и дать мат. Белые — Кр4, Лс1, п. в7; черные — Кр4—е5—е6—а7—б7—а8—е5 в4 не приносит успеха, так как тогда черный белых возьмет на в4, черные же будут стоять на е1. В ответ на Кр: в4 черные сыграют Сз2, и у белых будет ни одного полевого хода. Значит, нужно срочно выиграть темп, а это можно сделать, пойдя королем по дороге с в4 на в4 один раз на белое поле. Но как только король становится на белое поле, то оживает второй слон черных на f1: он с шахом вырывает его с места, появляется черный ферзь.

И все же находится белое

поле а8—единственное, на которое не сможет воздействовать неприятельский слон. Решение наизощ: найдем: 1. Кр15! Сс1 2. Кр16 С12 2. Кр2! С1 2. Кр16 С12 5. Кр18 Сс1 6. Кр7 С12 7. Кр8 С1 10. Кр7 С12 9. Кр18 С1 10. Кр7 С12 11. Кр6 С1 12. Кр7 С12 13. Кр14 С1 14. Л1:сX.

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ

Фигуры на шахматной доске занимают почти первоначальное положение: лишь черная пешка d7 продвинулась на одно поле вперед, да двух коней net—белого на e1 и черного на e8. Кратчайший путь к достижению такой позиции весьма остроумен: 1. Кг1 в6 2. Кд4 К16 3. Кс6! К17! 4. К: в8! К: в8!

ЗАБАВНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Одним ходом дать мат черному королю в позиции: белые — Кр4, Лс1, п. в7; черные — Кр7, Лав — можно лишь, проиграв исключительно благоприятно по отношению к противнику и превращаясь само по себе в неприятельского коня!

ШУТКА МАСТЕРА ГРИГОРЬЕВА

Кр7, п. в7 и е8; черные — Кр18 в в7! дать мат черному королю позадн стоящей белой пешкой очень легко: нужно само взять эту пешку и... поменять местами с вередом стоящей пешкой!

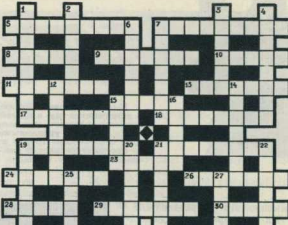
Мастер В. ЛЮБИНСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ 5-го РАУНДА ОЛИМПИАДЫ

Жюри подвело итоги 5-го раунда шахматной олимпиады «Смены» — раздела шахматных шутки.

Наиболее оригинальные работы по заключительному раунду опубликованы в следующем порядке: А. Батинский (Сталинград), И. Вуцков (Рязанская область), Г. Клепкин, В. Галин (Винницкая область), А. Григорин (Армянская ССР, г. Кабан), И. Еринов (Московская область), И. Курякина (Калининская область, дер. В. Борон), Г. Клепкин, В. Галин (Винницкая область, с. Мухомец), И. Назовников (Архангельск), В. Григорин (Армянская область, г. Клепкин), А. Кутергин

(Омск), В. Нингитин (Молодечинская область), В. Подеверский (Москва), И. Рюков (Таллин), Т. Соколов (Одесса), К. Тина (Эстонская ССР, г. Антсла), С. Ченов (Молдавская область, с. д. Горупондла), В. Шимку (Литовская ССР, Кельмесский район), И. Курякина (Калининская область, дер. В. Борон), И. Саргунас (Вильнюс), Г. Такарян (Грузинская ССР, г. Борзин), шахматный крупный Дома игроков (Кубинская область, г. Кубышево — по 19 баллов.

КРОССВОРД

Составил Г. Никулин (г. Ислевоски)

По вертикали:
 1. Герой романа Д. Дефо. 2. Один из героев пьесы К. Тренева «Любовь Яровая». 3. Автор текста песни «Помнишь, мама!» и «У нас в общестии свадьбы». 4. Один из героев пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». 6. Автор памятника И. В. Гоголю «Сорочинская ярмарка». 12. Загубленный артист РСФСР, мастер художественного чтения, 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Один из героев романа А. Волжанина «Земля Музыканта». 16. Советский поэт, 19. Автор романа «За рулем делов». 20. Пьеса А. М. Горького. 21. Выдающийся русский просветитель, писатель. 22. Один из героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 23. Герой поэмы А. Твардовского. 27. Роман Ю. Либенбергского.

По горизонтали:
 5. Поэма Г. Леонидов. 7. Автор исторического романа «Малюков курган». 8. Рассказ И. С. Тургенева. 9. Слова молдавского поэта Е. Букова. 10. Один из героев повести Д. Фурманова «Чапаев». 11. Выпуск труда автора а совет. 13. Песня Д. Бедного. 15. Русская народная сказка. 17. Русский художник. 18. Автор текста лирической песни «Черемуха на реке». 19. Русский писатель. 21. Автор книги «В окопах Сталинграда». 23. Болгарский писатель. 24. Один из авторов произведения созданного несомненно поэтами. 26. Один из героев книги В. Загребина «Плохая станция». 28. Один из героев романа В. Ладиса «Сани рыбак». 29. Советский писатель. 30. Французский писатель, философ. 31. Повесть Б. Иванова. 32. Польский сириал и мюзикловтор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14.

По горизонтали:
 3. Фестиваль. 8. Ансамбль. 9. Эстафета. 12. Урча. 13. Награда. 14. Смотров. 15. «Наука». 21. Аиррот. 22. Студент. 23. Прага. 25. Песня. 26. Лилия. 27. Номана. 29. Стадлон. 31. Номана. 32. Отряд. 38. Берлин. 40. Рабле. 41. Брасс. 42. Варшава. 43. Трибуна. 44. Маска.

По вертикали:
 1. Берлин. 2. Пьеса. 4. Маэура. 5. Матч. 6. ФФДМ. 7. Лауреат. 10. Крп. 11. Парн. 15. Овация. 16. Футбол. 17. Гротеск. 19. Ушаков. 20. Челипин. 23. Парад. 24. Атлет. 28. Арна. 30. Дени. 32. Отряд. 33. Вылетка. 34. Конурус. 35. Кантата. 36. Робсон. 37. Клеюша. 38. Тробиан.

ЗАЯВЛЕНА ПАРТИЯ

Иллюстрация Г. КОЗЛОВА.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулеми, М. Лукокин.

Технический редактор О. Швова. Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тираж 250 000 экз.

Формат бумаги 70x108мм. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Главный редактор М. А. Великий.

Оформление номера В. Максина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Изд. № 666. Заказ 1910.

Тел. Д-34-94.

А 03378.

Подписано к печати 29-VII 1955 г.

Формат бумаги 70x108мм.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Басни в прозе

Рисунки Г. Козлова.

ТОЛЬКО БЫ ОПРЕДЕЛИТЬСЯ...

Пришел Осел поступать ко Льву на службу.
— Кем бы ты хотел быть? — спрашивают у него.
— Советником, что ли... — мнется Осел.
— Ну, сам посуди, куда тебе в советники! Дело-то для тебя неподходящее...
— Я и сам знаю, что неподходящее, да мне бы только определиться...

ПОДХАЛИМ

Лев и Шкал пошли вместе на охоту. Связи за вкусом, приготовили ружья и ждут. Вдруг видит: бежит лань.
Выстрелил Лев и промахнулся. Выстрелил Шкал — упала лань.
— Попал! — обрадовался Шкал. — Попал!
— Ты что-то сказал! — спросил Лев.
— Я хотел сказать, — сказал Шкал, — что вы попали, вы...

КОРОВА И МУХА

Корова паслась на лугу, а на рогах у нее сидела муха. Надоело мухе сидеть, и она спрашивала у коровы:
— Тебе не будет жаль, если я улечу!
— Я не радовалась, когда ты сидела, — ответила корова, — и не буду жалеть, когда ты улетишь.

г. Ижев.

Жертва исходящей бумажки

Однажды в студеную зимнюю пору Товарищ приходит к комсоргу Егору.
— Ты что все сидишь в кабинете, Егор? Давай-ка с робом отправиться в бор.
Подыми морозом и стнем на лыжи — Здоровью полезно и к массам поближе...
— На лыжи?! Оно бы, конечно, не худо. Да видишь, бумажек немалая грудя.— И вырвался вздох из усталой груди: — В райком, брат, пишу, а ты вот сиди. Поверись, по самое горло работы. Все сводки пишу да готовлю отчеты... (А комсомольцам рабочей слабодки Нужны спорткружки, а не сводки и сводки.)

Весною товарищ вдруг снова зашел.
— Пойдем поиграем с друзьями в футбол! — протянул с сожалением Егор. — Да ты ибнимаешь, что я до сих пор... Товарищ взглянул на столы, на бумажки и тихо сказал: — До свиданья, бедняжка!

А вслед за весною приходит и лето. Егор «загорает» в тиши кабинета. Он рад бы в прохладной реке искупаться,

Однако не может со стулом

растаться. Бумажная горка все выше, и скоро, Пожалуй, засыплет комсорга Егора. Ушла аппетит, и ночами не спится. Того и гляди, что положат в больницу. Неудат у Егора опасный и тяжкий: Он жертвою стал «исходящей» бумажки. Картина подобная многим знакома. А письма идут и идут из райкома...

Роман КОГАН

г. Орел.

ПАУК

Случилось так: уселся рядом Паук со скромным шелкопрядом.
— Послушай, братец, — молвила он, — За что ты всеми вознесен?

И я ведь тоже тку неплохо... Тут шелкопряд сказал со вздохом: — Нет, на меня ты не похож: Для одного себя ты ткешь.

Алексей МАРКОВ

ВОДЫ ГЛОТОК И СЛОВ ПОТОК

Рис. Е. Гурова.

В. БЕРЕСТОВ

Весьма обычный эпизод! Докладчик утомленный Умыл, воды набравши в рот, Держа стакан граненый.

Он отхлебнул всего глоток И больше не осилил, А на собравшихся Поток Воды словесной выплил.

Поговорил и вновь затих. Вск зал следит омыне Не за тачением слов пустых, А за водой в графине: «А вдруг не кончит он, когда В графине кончится вода!»

